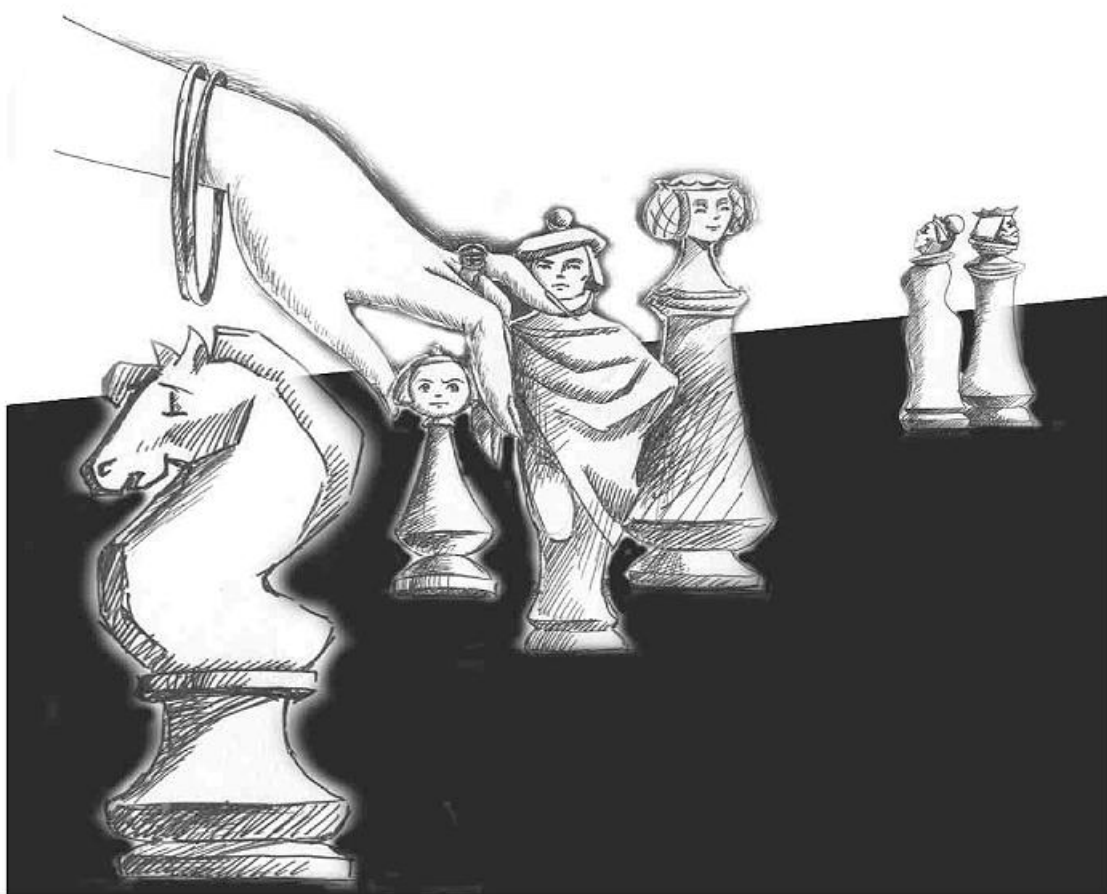

Глава 1
**Большая
перемена**

Юлиана Димитрошкина

ХОЗЯЙКА ДАРА

Глава 1

Большая перемена

3 мая 1991 года, понедельник.

- Граждане интеллигенты, я керосинку купила! – просунулась в учительскую техничка Агафья Даниловна.

- Где достала? – подхватила от тетрадей Алка-химичка.

- Почему? – поинтересовался физрук.

- А для чего? – спросила я.

- Последнее отдала, где бы занять рублей восемь? Темные вы, молодые! Товару никакого нет? Спичек и соли нет? И электричества, значит, скоро не будет. Электричество же товар?

- Точно, я талоны на мясо все еще отоварить не могу, – задумалась Алка.

- Два двадцать, – сказала Агафья Даниловна. – В хозяйственном на кольце. И народу нету, часу не стояла.

- Правда что, вон сегодня в Сербии война началась! И я куплю! – рассудил наш Пан Спортсмен.

- Дочь народа, а ты чего молчишь? На тебя взять? – спросила Алла.

Я сделала вид, что не слышу.

Когда мою маму увезли в роддом, папа был в отъезде. И мама записала меня Донарой, искренне полагая, что это звучное имя достаточно грузинское, чтобы угодить супругу кавказской национальности. Однако в каждой школе, где я училась – а была их дюжина, мы вечно переезжали – обязательно обнаруживались грамотей, которые сообщали мне, что имя мое составное и расшифровывается *ДОчь НАРода*. А особо эрудированные утешали, что имена бывали и похуже – Даздраперма, например, то есть *Да здравствует Первое мая*.

Мама именovala меня Дорой, учителя Доней, а соклассники Дунькой. В конце концов, я перестала откликаться на любой вариант, кроме паспортного.

- Я сгоняю, – решил Петрович. – Сейчас обормотам скомандую кросс бежать, а сам в лавку. Донара, ну чего, берешь?

- Спасибо, – сказала я. – У меня свечи есть. Мужу в декабре на зарплату выдали тринадцать коробок.

- Ментам зарплату свечками выдали? – заржала Алка. – Чтоб поддержать было что?

- Схожу в столовую, – сказала я, – компот сегодня.

- То-то я смотрю, ты смурная. Голодная небось, – сказала Агаша. – Перловку только не бери, пятничная она.

Над компотом я зависла до звонка. Было о чем подумать. Муж третий месяц был в «горячей точке». Первоклашки Тоша и Макоша сообщили, что с сентября их в лицей не возьмут, потому что три месяца не плачено. А полчаса назад мне сказали, что сомнений нет, я снова беременна.

Ждать больше нечего. Пора что-нибудь предпринимать.

Прозвонили большую перемену.

Школьники хлынули в столовую. Пробираясь против течения, я отправилась на выход: подбивать итоги и строить планы.

В активе у меня оказалось: 13 коробок со свечами; золотые сережки; черная мутоновая шуба, которую муж подарил мне шесть лет назад; и двухкомнатная хрущевка.

Наутро я снесла в ломбард сережки: заплатила за лицей, а оставшиеся деньги отдала в редакцию «Чижевской правды». И в четверг вышло объявление в полстраницы:

«Астральный Проводник.

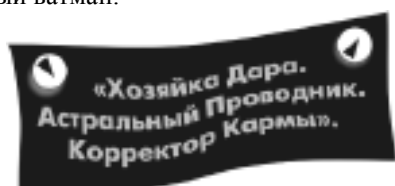
Решу любую проблему.

Очень дорого, но с гарантией.

Прием по понедельникам с 22 до 24 часов».

20 мая 1992 года.

Я отвезла к подруге детей и собаку и все выходные красила синькой, сушила, гладила, расшивала звездами и прицепляла к обоям старые простыни. Вечером вкрутила на лестничной площадке лампочку, выкрашенную лаком для ногтей. В ее кровавом свете вполне уместно стал выглядеть приколотый к двери черный ватман:

Выволокла в центр своей хрущевки кухонный стол, и задрапировала его шубой. Вынула из коробки дедовы еще шахматы – резные фигурки с ладонь, каждая со своим лицом. Напялила карнавальное домино, расшитое звездами, и черный парик совершенно нефертитевского вида. Напоследок расставила семь блюдец со свечами и, минуто поколебавшись между желанием сэкономить дефицитный товар и намерением доделать все в лучшем виде, зажгла все сразу.

В дверь постучали, лишь погасла последняя свечка, как будто сторожили. Сердце мое впрыгнуло в горло. Едва не подпалив балахон, я выключила электричество и молча отворила.

На пороге стояла этакая Мэрилин Монро в палантине и бриллиантах, потерявшая дар речи при виде звезд и полумесяцев, мерцающих в свете красной лампы. Ее спутник брезгливо бросил: «Я буду в машине» и захлопнул дверь. От резкого звука я отмерла и сделала приглашающий жест. Блондинка упала в кресло, я села за стол и, сглотнув, сказала: «Обращайтесь ко мне – Хозяйка Дара».

- Меня зовут Ольга Петровна, - начала гостья, - а вы правда гарантируете результат?
- Да, если вы сделаете все так, как будет сказано, - ответила я.
- И что, правда, любой вопрос решите?
- Если это будет угодно Высшим силам, решу. Скажите мне, что с вами, и если цена вас не смутит, мы продолжим.

- У меня мигрени. Каждый месяц, иногда дважды, в мою голову втыкается огромная палка. И по три дня я лежу в темной комнате, потому что знаю – если хотя бы подойду к окну, я просто шагну с восьмого этажа. Жить с этой болью невозможно, а умереть страшно.

- Достаточно. Цена - ... я назвала цифру размером с мой годовой оклад, дама с готовностью полезла в сумочку. - Теперь просто сиди. Закрой глаза, - сказала я.

Свечи трещали, комната наполнялась чадом. Женщина покорно молчала; ее лицо обвисало, старея на глазах, и становилось понятно, что ей далеко за тридцать. Мимические складки освобождались от контроля, и вся ее история проявлялась на лице так же очевидно, как это происходит в движении, когда зажим воротниковой зоны вопиет опытному глазу о детских обидах, а разворот бедер о пуританском воспитании.

- Выбери из этих фигурок себя, своих отца, мать и маминых родителей, - сказала я.

Ольга взяла белую пешку с каким-то яростным выражением деревянной мордашки:

- Это буду я.

Затем поставила черную королеву, пышногрудую особу с испанским воротником:

- Это бабушка.

Пристроила в складочку шали белого ферзя, тоненького, в изысканной мантии:

- Это мама. – Потянулась за облезлой фигуркой белого слона, на которой когда-то Макоша попробовала первый зуб:

- Это папа.

И недолго думая взяла кособокую черную лошадку:

- Это дедушка.

Я выстроила их вдоль края стола и убрала лишние фигурки.

- Теперь медленно – медленно! – поставь себя на столе.

Ольга Петровна недоуменно покрутила белую пешку и поставила у своего края, ко мне лицом. - Задержи на ней руку, - сказала я и коснулась ее запястья. - Молчи. – Теперь поставь своих родителей. Медленно. Не надо размышлять, делай так, как чувствуешь здесь, - и я коснулась середины ее груди. – Просто чувствуй. Сначала поставь, потом покрути их, поразворачивай. Медленно. Не думай – чувствуй!

Белый слон закончил свое движение позади белой пешки, чуть слева, а белый ферзь замер в дальнем углу стола, боком к обоим. – Теперь мамини родители. Медленно! - Ладонь ее, обнимающая белую пешку, подрагивала от биения крови, правая рука с черной королевой неуверенно двигалась и остановилась близ белого ферзя. Фигурки стояли лицом к лицу, касаясь друг друга юбками. Потертая черная коняшка замерла почти по диагонали, в другом конце столика, спиной ко всем остальным фигуркам.

- Твоя мать была несчастлива в браке - сказала я.

- Да.

- Что было между ее родителями?

- Бабушка была из богатого дома, и ее отец не дал ей выйти за любимого парня. С дедом они прожили мало, он пил и умер молодым.

- Поставь бабушкиного отца.

Гостья нагнулась, выбрала черного короля и поставила его спина к спине черной королевы.

- Твоя бабушка так и не простила своего отца, - сказала я. – Она была женой, не уважающей своего мужа, и прожила всю жизнь в обиде. Ее дочь, не умевшая уважать мужчину, тоже не имела шансов на счастье. У нее были мигрени? – Всю жизнь, - завороченно пробормотала дама. – Это не первый твой брак? – Третий, - ответила она.

Я собрала фигурки, мягко забрав потную белую пешку, и выстроила их по-новому. Впереди черного короля встала черная королева, справа от нее – белый конь-дедушка. Спинай к ним расположился белый офицер по правую руку белого ферзя, а впереди их – маленькая белая пешка.

- Положи руку на пешку. Скажи: мои дорогие родители, я только ребенок. То, что было между вами, меня не касается. Посмотрите на меня доброжелательно. Благословите меня на счастье.

Женщина тихо повторила фразу за фразой.

- Теперь просто смотри на эту картинку. Возьми ее в свое сердце. Это важно для тебя.

По ее вискам сползали капли пота, изысканный макияж расплывался, губы кривились.

- Дыши.

Глаза ее налились слезами.

- Плачь. Твои слезы целебны. Плачь громко.

Она разрыдалась.

Спустя несколько минут я подошла к ней, дала платок, прижала ее голову к своей руке, постояла так. Всхлипывания начали затихать.

- Молчи. Побудь с этим.

Затем поднялась, прошла по комнате, зажгла погасшие свечи и сказала:

- Твои мигрени прекратятся в день, когда ты повернешь свое сердце на любовь к отцу и деду. Тогда и у твоего брака появятся шансы. – Ольга глубоко, со всхлипом вздохнула. - Теперь иди. Рассказать о том, что здесь было, разрешаю не раньше двадцать первого дня.

- Спасибо, Хозяйка Дара.

- Благословенна будь.

Я закрыла дверь и подошла к окну. Дама скользнула в автомобиль, и через минуту красные огоньки уплыли вдаль.

Я сняла парик и наконец почесала голову.

- Да ты рехнулась, девка! – причитала наутро Агафья Даниловна. – Ты чего мне суешь-то, когда ж я столько отдам, деньги-то мои в сберкассе все арестованные!

- Когда отдашь, тогда и ладно.

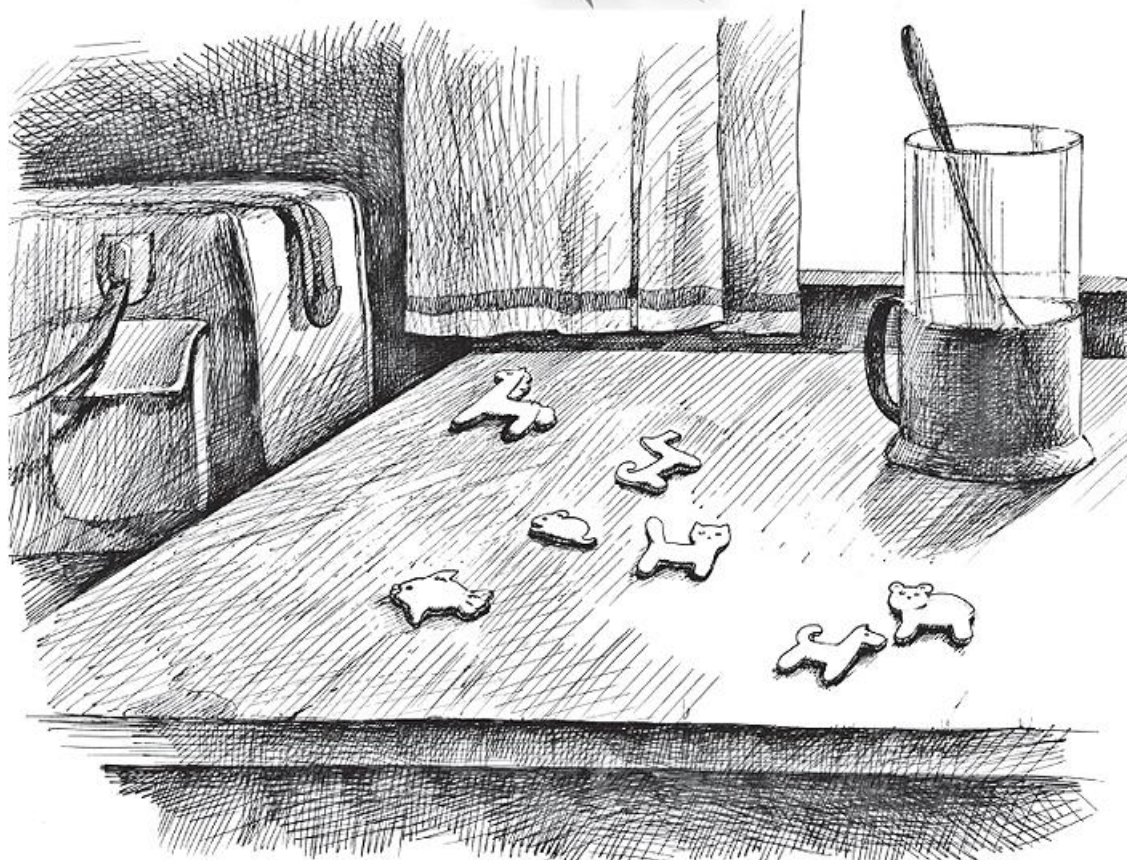
- А если та богатейка придет деньги взад требовать?

- Не беспокойся. Вчера с ней разговаривала не Донара Зурабовна, а Хозяйка Дара. Сделает все как надобно, а тогда и результат будет. Вот ведь насмешка - когда я родителям в этом кабинете бесплатно советую сделать то-то и то-то, если один из семерых послушается, радуюсь. А ведь говорю одно и то же! Надо хоть табличку на дверь попросить. А то смотрят на замученную бабу в зашитых колготках, а должны видеть специалиста.

- Дак ты не уйдешь из школы-то?

- У меня есть библиотечный день, вот и буду по понедельникам Хозяйкой. А в остальные дни – по-прежнему школьным психологом...

Глава 2 Ребенок второго сорта

Глава 2 Ребенок второго сорта

Я, высунув язык, рисовала серебряные буквы на плакате:

Хозяйка Дара

Корректор системных переплетений

Агафья Даниловна, взяв утюгом по крашеной простыни, спросила меня:

- Слушай, Донара, а ты вроде раньше про карму писала?

- Корректор кармы – звучно, но неточно, - отложила я кисточку. - Карма – это в некоторых религиях влияние прошлых воплощений на будущее. То есть вроде как человек за свое поведение отдувается. А я

работаю с системными переплетениями. С тем, что приходит из семьи. Потому что чаще всего люди платят за своих старших.

- Как в Библии, до седьмого колена?

- Ну до четвертого-то точно. А самое главное, что когда коррекция не происходит, часто судьбы повторяются из поколения в поколение. И уже не столь важно, что сделала прабабушка твоего прадедушки, потому что и в ближайшем поколении – у матери – может быть та же проблема. Особенно если в семье есть запретные темы, тайны, есть люди «исключенные», о которых не говорят. Или жертвы, которые не уважаются. Все члены системы имеют право на свое место в ней, и попытка кого-то исключить дорого обходится последующим поколениям.

- Донара, да откуда ты все это берешь-то?

- Ты же знаешь, мы с мужем в Германии служили. Там я и освоила метод системных семейных расстановок Берта Хеллингера. Такой необычный человек, весь светящийся. Раньше священником был: миссионером в Африке. У протестантов это можно: из священников «перейти на другую работу». Гениальный психотерапевт, двадцать лет людей лечит. Ни на что не похоже, но исключительно эффективно.

- И как ты на такое выучилась?

Я снова обмакнула кисть в краску:

- Как раз лет десять назад я тряслась в поезде на Германию и перебирала в голове свою жизнь. Мне было 23 года, я только что защитилась и ухитрилась завербоваться в воинскую часть. Простой фельдшерницей, но это все равно было здорово – за три года можно было накопить на квартиру. А самое главное, я была одна. За тысячи километров от родителей.

- А чего это?

- Моего отца посадили, когда мне был год. Мама снова вышла замуж и переехала в другой город. Теперь-то я понимаю: отчим мой был по-настоящему хороший человек, но воспитывали они меня как умели. Видно, по молодости известен им был только один способ: ремень в кулаке. Вторую, общую дочь, рожденную уже в зрелости, они ни разу пальцем не тронули, и это делало мое детство еще более горьким. И я была просто сгустком обид. Моя естественная любовь к десятилетней сестре была отравлена: я чувствовала себя ребенком второго сорта.

- А что, парня у тебя не было?

- Я делала что могла: блестяще училась, добывала кубки по шахматам, грамоты по комсомольской линии. На самом деле все это ничего не стоило. Я чувствовала себя никому не нужным ничтожеством. И, видимо, так светилась в моих глазах жажда привязанности, что от меня шарахались даже школьные изгои. В институте я уже просто держалась наособицу. Там я цель себе выбрала – пахала на красный диплом. Очень хотелось стать классным психологом. Понимать людей, иметь над ними власть, чтобы они больше никогда не могли мною пренебрегать!

- А папаша твой чего?

- Лет через 8 его выпустили. Сидел он за экономическое преступление, сейчас это называется кооператорством, а тогда было нетрудовым доходом. Он был запретной темой: вот у тебя есть новый папа, и нечего вспоминать преступника.

Утром моего восемнадцатого дня рождения мать с отчимом мне сказали: мы выполнили свой долг, вырастили тебя до 18 лет, теперь сойди с шеи, ищи квартиру. Легко сказать! На одну стипендию! И общагу бы мне никто не дал: прописка-то чижевская! Я-таки съехала на три метра в «деревяшке». Повезло: за жилье платила уколами да массажем. Мать навестила меня там лишь через год. Только сейчас понимаю: ей тоже было нелегко, она забеременела в третий раз и должна была думать о сохранении своего брака. А наличие в тесной «двушке» великовозрастной девицы от первого союза этому ничуть не способствовало.

А потом я вдруг получила по телеграфу перевод на 100 рублей. Сумасшедшие деньги, мне в месяц удавалось отложить не больше пятерки, и то лишь с помощью накопительной страховки! И без адреса отправителя. Я побоялась тратить – думаю, вдруг какая ошибка, мне потом их ни в жизнь не вернуть. Через пару недель пришла посылка – малиновое платье, четыре шоколадки, сапоги на два размера меньше моего, и страшно дефицитные колготки. Я совсем растерялась. Шоколад, впрочем, съела, не удержалась. А через несколько дней объявился отправитель – приехал мой отец. Маленький, круглый, шумный, до оторопи чужой. - Я бы поняла, если бы ты появился, будучи немощным, нуждающимся в уходе. Понятное дело, нужна поддержка, вот дочь и понадобилась. А зачем ты сейчас приехал? – искренне недоумевала я.

- Я не побирушка, - мягко ответил он. - Если бы мне нужна была помощь, я бы ни за что не пришел. Ты же моя дочь, и поэтому я нашел тебя.

Я, всю жизнь полагавшая себя обузой даже собственной матери, долго не могла принять такого ответа за чистую монету. Еще многие годы я искала подвох. Лет пять подряд я ездила к нему на лето, познакомилась с тамошними родственниками, у меня обнаружился единокровный брат двадцатью годами меня старше, талантливый и эксцентричный: я поняла, что выходка легендарного Пиромани, что «продал картины и кров», чтоб бросить розы под ноги красотке, не выдумка поэта. Мой брат мог потратить

месячную зарплату, чтоб свозить жену в Москву послушать Рихтера, а следующую отдать нищему соседу. Впрочем, прозаическая материя уплаты за квартиру доставалась супружнице.

Папа был по-своему заботлив, подарил мне сережки и шубку, брат осыпал меня поцелуями, а отцова сестра Цисана была так ко мне нежна, что я понемногу начала привыкать к мысли, что может быть, впрямь кому-то нужна просто так, забесплатно, действительно имею значение, взаправду что-то собой представляю.

А потом папа умер. Сгорел за месяц от рака. И тут оказалось, что я все-таки ребенок второго сорта. Не только для матери, но и для отца.

Как раз подросшую страховку в пятьсот рублей я истратила на могилу отца. А год спустя Цисана приехала в гости. «Я продала дом моего брата для его старшего сына, - сказала она. - Он в стесненных обстоятельствах, ему очень нужны деньги. А что не смогла продать, то отвезла ему, он в Москве снимает квартиру». «А почему так?» - спросила я. «Папа оставил записку своей рукой», - туманно намекнула родственница. «Он даже не вспомнил обо мне? Не написал про меня ни словечка? - не поверила я. - Ну тогда, может быть, можно будет выкупить у брата на память дедовы резные шахматы?» После чего тетюшка, раздраженная такой моей настойчивостью, весь вечер объясняла, до чего они старинные и безумно дорогие. «Я не побирушка! Я расплачусь!» - но тетюшка была непреклонна: это не для тебя.

- А чего она? Вроде не злая же была? - Агаша отставила утюг и села к столу, подперши ладошкой щеку.

- Сейчас я думаю, дело в том, что она очень любила брата. И злилась на мою маму за расторгнутый брак, за брата, покинутого в тюрьме. А переносила свою боль на меня.

Больше всего мне хотелось уснуть и не просыпаться. Через три дня я завербовалась в армию. Мне безумно повезло - отправили меня в Германию, пригодилась немецкая спецшкола. Но даже если бы послали на Чукотку, я бы неслась, роняя тапки. Лишь бы побыстрее да подальше. Чего ради даже потратилась на билет СВ: купейные были на неделю позже.

И вот уже даже Польша оставалась позади. Я угрюмо смотрела в окно, когда в купе вошел дядечка. Попутчик был лет пятидесяти, тощенький - аж светился. И такое у него было доброе лицо, что я, намеревавшаяся лишь попрактиковаться в языке со взаправдашним немцем, стала жертвой «поездной болезни». Это, знаешь, когда случайному попутчику за два часа выбалтываешь больше, чем родной матери за всю жизнь.

Когда я закончила свой рассказ, немец участливо положил руку мне на запястье.

- Ты хочешь что-то изменить в своей жизни? - спросил он.

- Что я могу в ней изменить? Родиться у других людей, что ли? - горько сказала я. - Вот я уже изменила: уехала. Отрекись я от старого мира, отряхну его прах с моих ног.

- Свой мир ты взяла с собой, - сказал он. - Отречься ты можешь только от себя, и тогда от тебя останется совсем мало.

- Это как это? - спросила я.

- Сначала ответь мне, пожалуйста, на сколько ты согласна с первой и второй частью следующего утверждения: ты на пятьдесят процентов состоишь из того, что получила от своей матери, и на пятьдесят процентов из того, что получила от отца?

- На пятую часть с первой и на пятидесятую со второй, - ответила я.

- Это был диагностический вопрос. Он показывает, с каким КПД ты живешь. Пятая часть от материнских пятидесяти и пятидесятая от отцовских - в сухом остатке 11 процентов!

- И?..

- Я психотерапевт, - сказал попутчик. - Еду с конференции. Давай посмотрим, можно ли тут что-нибудь сделать. Ты ведь психолог, может быть, тебе будет интересно хотя бы с профессиональной точки зрения.

Профессия - это было единственное, что у меня осталось, и хотя я наплевала на диплом, завербовавшись перфораторшей солдатских задов, привычка к поглощению знаний взяла верх.

- Да, собственно, чего мне терять, - сказала я. - А о чем мы вообще говорим?

- Вот у нас с тобой на столе печенюшки «зоопарк». Выбери и расположи на скатерти себя, родителей и бабушек-дедушек. Все семь фигурок должны занять на столике точные места. Ориентироваться надо на то, что ты чувствуешь здесь, - он показал на середину груди, - но ни в коем случае не на то, что ты надумала головой. Только на чувство!

Я, слегка ошеломленная переходом от КПД жизненной самореализации к печенью, принялась за дело. Через пять минут в уголке лежала рыбка-я, а далеко позади, хвостиком к рыбьему хвосту, устроилась кошка-мама. За нею мордочками врозь были собака и мышка - дед и бабушка. При этом мышка оказалась единственной фигуркой, расположенной поближе к рыбке. Медвежонок-отец лежал в стороне, за ним пристроился второй пес - отец отца, и далеко в стороне, мордочкой к углу, оказалась бабушка-лошадка.

По-прежнему касаясь моей руки, попутчик сказал:

- Расскажи мне о своих старших.

- Мамин отец гулял, страшно пил, гонял бабюлю с топором, она его люто презирала, и они разошлись в тридцать третью годовщину свадьбы. Но еще двадцать лет, до самой смерти, она его костерила по три раза в день. Мама дважды была замужем. Недавно тоже развелась - в день двадцатилетия второй свадьбы. Мой отец был женат не меньше пяти раз, мама его вторая жена. Его родители никогда в жизни даже не поссорились, но бабушка в войну неистово молилась за старшего сына, который был на фронте, а он погиб. Она прокляла Бога и, говорят, больше никогда не улыбалась.

Психотерапевт расставил фигурки по-своему: за спиной рыбки стали кошка и мишка, за теми – лошадка, пес, мышка и вторая собачка.

- Это – правильный порядок. Сейчас накрой их ладонями, сосредоточься в сердцевине себя и потом скажи, что ты чувствуешь, - сказал он. Я послушалась. Через пять минут я открыла глаза в полной растерянности:

- Я как будто купаюсь в море любви и света. В океане чистого сияния, - сказала я.

- Это то, что есть на самом деле. Родительская любовь абсолютна. Это как кран на трубе: если он открыт, то вода льется. Если сердце отворено к любви, человек ее получает. Но поток любви был прерван – неуважением к мужу мамы твоей матери и заиклостью на своем горе мамы твоего отца, не принявшей свою потерю со смирением. Поэтому их дети, а твои родители были так несчастливы в личном, и поэтому с тобой происходит то, что есть. Возьми в свое сердце эту расстановку. Сделай что-то в честь твоего русского деда и в память погибшего брата своего отца. И запомни навсегда то, что ты сейчас чувствуешь. Это и есть правда.

Я опустила глаза к плакату и обнаружила огромную кляксу посредине. Надо же, а я даже и не заметила, как она появилась.

- В Германии я прожила 7 лет. Какими правдами-неправдами ухитрялась ездить к своему попутчику на учебу – ни в сказке сказать, ни пером описать. Берт Хеллингер – гениальный психотерапевт, а я всего лишь ученица, и вряд ли мне когда-нибудь удастся работать, как он, без лишних слов, без антуража. Но с тех пор со мною всегда свет родительской любви. С поезда я сошла уже другим человеком. И вот теперь, как видишь, я и свое счастье построила, и уже давно по-настоящему помогаю другим. Я даю людям силу! А что они потом с нею делают – вопрос их собственного выбора.

- И что, всегда помогает? А вдруг в этот раз да не получится?

- Вот увидишь, Агафья Даниловна. Все будет хорошо! – сказала я.

И сделала из кляксы звезду.

Глава 3 Костяная нога

Глава 3. Костяная нога

- В Рождество из Москвы позвонил мужнин однополчанин Петр Петрович и объявил:
- Моя Эсмеральда родила пятерых.
 - Ну ничего себе! – ошарашенно воскликнул Григорий. – Ну поздравляю! И что, все здоровы?
 - Роженица-то себя прекрасно чувствует. А вот у малышей раны кровят.
 - Они ранены? Что случилось?
 - Да хвосты им вчера обрезали.
 - Может, пупки? – вконец растерявшись, спросил мой супруг.
 - Пуповины Эсмеральда сама отгрызла.

- Как отгрызла?
- Как-как, зубами!
- Да ты что, врача вызвать не мог, папаша хренов?!
- Сам ты папаша. Эсмеральда – сука!

Гриня потерял дар речи. А когда обрел, я предпочла покинуть помещение:

- Да ты (би-ип). Да чтоб тебя (бип-бип)... Я думал, жена твоя родила! Нельзя по-русски сказать! Раны у малюток кровят (бип-бип-бип)!

И 23 февраля муженек получил в подарок ботиночную коробку с черной плюшевой зверушкой. Подложил мне Петруха большую, черную, кудрявую свинью!

За полгода Лютеция Серебряная Легенда, черный терьер, дитя любви Эсмеральды Красное поле и Орфиса Биллингтайма, вымахала в лохматую животику размером с микроавтобус. Теперь эсмеральдина дочь меня два раза в день выгуливает; и выбора у меня нет, муж третий месяц в командировке, а ребятишкам шаловливую скотинку удержать не под силу. Зрелище душераздирающее: летит за соседским котом меховой шар, а сзади стелется по сугробам привязанный к поводку Платошка. Когда мягкий снег превратился в твердый асфальт, пришлось брать поводок в свои руки. Впрочем, Григорий клялся и божился, что зимой начнет дрессировать Люшу, а к весне она станет как шелковая, и я даже в это верю. Но до следующей весны еще надо дожить!

И когда наступил очередной понедельник, я снова встала перед вопросом, куда девать шестьдесят килограммов вредного серебра. Дети ночевали у свекрови, но взять к себе нашу лохматую Плюшку она отказалась наотрез: аллергия.

22 июля 1991 года.

Женщине было за сорок. Она покачивалась в дверном проеме, с трудом балансируя на костылях в узеньком хрущевском коридорчике. Черное платье, страшно диссонировавшее с загипсованной ногой, растаяло на фоне темных драпировок, и казалось, что над гипсом в комнату wpływa бледный лик полной луны.

Я ждала ее за покрытым меховым покрывалом столом, с выстроенными по краям шахматами. Агаша суежилась, провожая, запирая, объявляя цену, убирая деньги, пристраивая костыли. Я молчала. Дама вытянула загипсованную ногу и сказала: «В этом году я третий раз в гипсе. А сейчас только июль».

Действительно, июль не давал о себе забыть. Под новенькой бархатной мантией, сменившей карнавальную накидку, я обливалась потом, из-под парика сползали жаркие капли. Агаша так и не нашла черного шелка, чтоб хоть как-то облегчить мне два приемных часа. Лопни, но держи фасон! Приходится соответствовать образу. Ибо когда я даю те же советы в своем кабинете школьного психолога, мало кто послушно выполняет мои рекомендации. А за 5 недель в роли Хозяйки Дары ни один посетитель не скривил губу, мол, болтаете тут глупости. Всего один раз я дала объявление, а тетрадка для записи заполнена до конца августа. Не иначе действует сарафанное радио – так что можно не сомневаться, что работа моя достаточно эффективна. Круг богатых людей достаточно узок, а я беру так дорого, что посетить Хозяйку Дару могут только по-настоящему состоятельные или полностью отчаявшиеся люди. Сегодня Агаша взяла с дамы ровно столько, сколько нам недоставало для того, чтобы уже завтра я смогла снять себе настоящий офис или купить что-нибудь под реконструкцию.

По крайней мере с верной помощницей мне посчастливилось. Еще месяц назад Агафья Даниловна была нищей школьной уборщицей, прозрачной от недоедания – все ее накопления сгинули в сберкассе, и она заново прятала копейки «на гроб». После первого же «коммерческого» сеанса, осознав, что все у меня получится, я уговорила ее пойти ко мне «на хозяйство».

Я внимательно смотрела на женщину. Яркая особа. Несмотря на «костяную ногу», отнюдь не выглядит жалкой. Да и гипс у нее, надо сказать, нарядный. Не бинтами, а батистом обернут, перевязан золоченым шнурочком. Три раза за полгода, вот как.

- Как к вам обращаться?
- Меня зовут Инга Филипповна.
- Часто у вас травмы?

- Потому и пришла. За два года пятый раз, и все на левую ногу. Лучше бы ребра ломала, хоть работать бы могла. Убытки – ужас.

Мы помолчали. Затем я сказала:

- Выберите из этих фигурок себя и вашу левую ногу.

Инга протянула тонкую руку, повертела одну фигурку, другую и поставила в середину стола белого фэрзя в изысканной тунике: - Это я. Затем придирчиво перебрала все восемь белых пешек и придвинула к

левому бочку королевы малютку с милой улыбкой. Ребенком я часто с ней играла – у всех были пупсики, а у меня пешка.

- Это моя левая нога.
- Прикоснитесь к фигурке, которая изображает вас. Молчите. Просто смотрите на них, - сказала я и положила руку на ее запястье.

Воцарилась тишина. По моей руке поползла капля пота. Духотища жуткая: окна закрыты и наглухо завешены черными портьерами, такими же, как драпировки на стенах, а в комнате горит одновременно семь свечей. Электрические лампы слишком бы диссонировали с образом Корректора системных переплетений, а окна приходится закрывать, чтоб ни одна любопытная старушка не могла бы подслушать, о чем пойдет речь. Посетители об этом могут не знать, но врачебную тайну я уважаю.

Дыхание женщины изменилось, и мое внимание обрушилось за стол.

- Положите эту пешку горизонтально. Коснитесь ее. Что вы чувствуете?
- У меня страшно сжимает голову, и глаза, глаза сейчас как будто вылезут из орбит!

Под ее кожей как будто билась тысяча пчел.

- Что приходит вам? Какой образ? Какое слово?
- Мои мертвые дети, - потерянно вымолвила она.
- Аборты?
- Семь абортот и выкидыш.

Я выложила рядом семь белых пешек.

- Дышите.
- На глазах появились слезы.

- Плачьте. Громко.

Она завывала, как волчица с перебитой спиной, у которой убивают щенков.

Через несколько минут я протянула ей полотенце. Крик перешел в тихий плач.

- Скажите «Я беру вас обратно».
- Я беру вас обратно.
- Скажите: «Я так горю о вас».
- Я так горю о вас.
- «Я всегда буду помнить вас».
- Я всегда буду помнить вас.
- Накройте их руками.

Она почти легла на черный мех, нежно касаясь каждой фигурки.

- Когда почувствуете, что достаточно, отпустите их.

Прошло еще несколько минут. Она медленно выпрямилась и положила руки на колени.

- Теперь вам известно, о чем напоминало вам ваше бессознательное. Вам нужно сделать что-нибудь значительное, хорошее в память о них. Вы какого вероисповедания?

- Да никакого... вроде крещеная...
- В храмах есть специальная служба. Ищите в себе Бога. Прощайте.

Агаша выскользнула из завешенной черным кухни, подала костыли, проводила, заперла двери, открыла окна. Я стянула чертов парик и бросилась под душ, даже не ропща на отключение горячей воды. Когда я вышла, обмотавшись полотенцем, окна были распахнуты, занавеси отдернуты, чай заварен и ватрушки подогреты. Агафья Даниловна налила чаю в блюдце и, осторожно поднимая его к губам, спросила:

- Телевизор глядела? Выбрали вчера Ельцина-то.
- Президент России, - с расстановкой сказала я. - Звучит странно, как Царь всея Америки.
- Слышь, Донара, а почему ты с ей про мужа не поговорила? Даже не спросила, чего там у них?
- Семь абортот, какой там брак! Аборт, Агашенька, прекращает отношения.
- Это как это?

- Те отношения, что были между супругами, заканчиваются. То, что приходит потом - совсем иное. И всегда меньше. И если супруги не хотят расставаться, они должны оплакать своих детей и только после этого начать жизнь заново, как во втором браке. Ты заметила, она с этой ногой обращалась, как с младенцем? Гипс завернула в батист да еще бантиком обвязала.

- А я-то все думала, чего ты не пошла поскоблиться. Муж вечно в командировках, двое спиногрызов на шее, куда еще рожает?

- Церковь говорит, что младенцы получают душу в момент зачатия. Их боль, их короткая жизнь и страшная смерть по мановению матери – все имеет значение. И матери должны знать об этом. Ты помнишь, как она рассказывала: голова лопається, глаза вылазят? Так умирали ее дети.

Блюдце в ее руках перекошилось, чай потек через краешек:

- Да наши бабы все по скоко раз сбегали! Вон Алка-химичка вообще говорит, беременность омолаживает организм, лишь бы скобили под наркозом. Семнадцать раз омолаживалась

- Слушай, а куда ты Люшку подевала?
- Не серчай, милая, я тут придумала, как ее заткнуть, только сыр кончился.
- Полтора килограмма сыра?!
- Ну да. Она только рот откроет, я ей р-р-раз туда сыру кусок. Чисто мышь какая, за сыр мать родную продаст. Не видишь, что ли, вон она, под раковиной, всю помойку перевернула.
Чернота за окном начала сереть. Агаша вытерла стол и подхватила мусорное ведро:
- Эй, сыроежка, вылезь! Приборку начнем.
Под окном захрюкал «уазик», захлопали автомобильные дверцы, по лестнице затопали сапоги, заскрежетал ключ:
- Донара, что это за красный фонарь, как в борделе, и вывеска на дверях?
Супруг, как всегда, вернулся неожиданно.

Глава 4 **Жаба с трудоднями**

Глава 4 **Жаба с трудоднями**

Представьте себе цвет лица моего мужа, который на рассвете вернулся из трехмесячной командировки и обнаружил на лестничной клетке красный фонарь, на двери вывеску про какого-то Корректора - и нагую супружницу в комнате, обтянутой черной тканью! Неуклюжая Плюшка, вылетая приветствовать обожаемого хозяина, сдернула с меня полотенце, в которое я завернулась после душа.

На мое счастье, на кухне была Агафья Даниловна. Приосанившись, она распахнула дверь в комнату – чисто испанская дуэнья:

- Ты, милоч, сначала портянки скидай, да лицо умой, да чайку попей – я тут как чуяла, шанег напекла, а потом уже хозяйку и расспрашивай.

Григорий, вдохнувший поглубже для соответствующей случаю тирады, медленно начал сдвигаться. Положил сумку, потрепал пляшущую собаку, покачал головой:

- Знаешь, жена, всякий раз, когда я уезжаю, не знаю, к чему приеду. Но такое мне бы даже не приснилось.

Агаша уперла руки в сухонькие бока:

- А ты повертись один с двумя спиногрызами да без копейки, тогда и посмотрим, как вообще уснешь! Иди давай мойся, вояка, все расскажем, поешь сначала! У Донары еще полкастрюли борща там запрятано, пушай греть топает! Да прикройся ты, чучундра! – бросила она мне истоптанное собакой полотенце.

Отмытый, в свежем халате, дожевывая третью шаньгу над второй тарелкой борща, муж выглядел достаточно умиротворенным. Тянуть дальше было некуда.

- Нам за эти месяцы так ни разу и не выплатили зарплату. И твою не давали, - начала я.

- Ты давай скажи сперва, что забрюхателя! – встряла Агаша.

Гришка вновь покраснел:

- Мы чего, того, опять?

- Опять, - сказала я.

- Фрукты надо? Надо! – снова завела Агафья Даниловна. – Детям в школу дать надо? Надо. Собаке сыру надо? Все надо! Вывертывается баба как может. Все расскажет, чай, греха не сделала. Идите спать давайте, утро вечера мудренее.

Сытый муж дрогнул в своей решимости добиться подробностей. И мы отправились в маленькую комнату отмечать встречу.

- Не бойсь, девка, я тут тряпки-то снимаю, и вообще наутро все проще покажется, - шепнула мне Агаша.

Так и получилось. И в следующий понедельник собаку я сплывила драгоценному владельцу – они отправились на прогулку до пруда и обратно.

29 июля 1991 года, понедельник

Снова пришла женщина. Дорого одетая, с длинной, до середины носа челкой, вертлявая, смахивающая на секретаршу-Ахеджакову в «Служебном романе».

- А по здоровью вы помогаете? – присела визитерша на ручку кресла.

- Да.

- И что, правда, гарантию даете? – пощупала она черную норковую скатерть, посланную на стол. Об антураже я заботилась серьезно, и на прошлой неделе приобрела девять черных шкурок. За два дня скорняк их превратил в квадратный лоскут.

- Вот ваши деньги. Я кладу их у порога. Если, уходя, вы будете не уверены, что приходили не напрасно, заберите их.

- У меня пищеварение... того... в общем, запоры. Страшные, неделями, никакое лечение не помогает, - она потянулась к выстроенным по краю стола шахматным фигуркам.

- Давно?

- Двенадцать лет, – сказала она, пересаживаясь с ручки на сиденье.

- Как мне вас называть?

- Ну, например, Алла Борисовна, - сплела дама руки на груди.

- Какая у вас семья?

- Ну, муж, дочь, я, - откинув челку, посмотрела она на меня.

- Выберите из этих фигурок себя, дочь и мужа, - сказала я. – Потом медленно-медленно поставьте их на столе и поверните относительно друг друга так, чтобы вот здесь – и я коснулась середины ее груди – все в вас было с этим согласно.

Она поставила в центре стола грудастую черную королеву – Это буду я, - затем белого слона почти спина к спине – Это муж, - и шлепнула черную коняшку рядышком, - Это дочка.

- Положите руку на черную королеву, - сказала я. – Смотрите и молчите. Просто смотрите, – и я положила ладонь на ее запястье.

Прошло несколько минут.

- Где на самом деле должна стоять лошадь?

Дама растерянно взяла коня и медленно переставила на самый край стола, лицом в угол. Прошло еще несколько минут.

- Там кто-то должен стоять еще. Кто?

Она вытянула черную башню и опустила ее лицом к черной лошадке.

- Кто отец девочки?

- У нас восемь лет не было детей, - жарко зашептала женщина. - Мы сдали анализы, мне докторша по секрету сказала, что я здорова, а муж бесплоден. Ты, говорит, сгульни, чем из детдома брать, лучше твой

будет. Я мужу наговорила, мол, прописали такие и сякие таблетки, а сама в командировку. Там и согрешила. Три раза всего, только ради ребенка!

- Положи руку на коня. Молчи. Закрой глаза.

Дыхание ее стало тяжелым.

- Что ты чувствуешь?

- Как-то... невыносимо. Я чувствую себя беззащитной, бессильной, я головы не могу повернуть.

- Это то, с чем живет твоя дочь.

Женщина с ужасом уставилась на меня. Волосы ее слиплись от пота.

- Положи руку на белого офицера. Молчи. Просто чувствуй.

Свечи чадили, становилось все жарче, пахло стеарином.

- Как тебе?

- Мне так плохо. Я чувствую страшную тяжесть и бесконечное одиночество.

- Это то, с чем живет твой муж.

Она отдернула руку.

- Положи руку на ферзя. Вот так. Не задерживай дыхание. А теперь скажи, ты действительно хочешь услышать от меня решение? Еще не поздно встать, забрать свои деньги и уйти.

Она надолго затихла. Рука ее на фигурке дрожала все сильнее, виски покрывались испариной, в глазах закипали слезы. Потом она вздохнула всей грудью и сказала:

- Скажите мне.

- Ты должна сказать им обоим правду. Бесполезно молчать о таких вещах. Наше бессознательное все равно знает истину – и видит ложь. Иначе твой ребенок заплатит за это страшную цену, а у твоего брака не останется никаких шансов.

- Какую цену, Хозяйка Дара?

- Если ты не скажешь ей правду, твоя дочь уйдет. Любой дорогой – к бомжам, на наркотики, в монастырь. Ты лишила ребенка права на своего отца. Это поступок со страшными последствиями.

- Мой муж так ее любит, он будет просто раздавлен!

- Твой муж уже раздавлен. Но тогда у вас появится возможность вместе прожить эту боль и начать все сначала, как во втором браке.

Она снова замерла и через несколько минут, вздохнув, спросила:

- А насчет заповор-то что?

- Это цена, которую ты сама платишь за молчание. Когда живешь во лжи, когда двенадцать лет в себе держишь огромную тайну, даже кал отказывается из тебя выходить.

Она как-то неуклюже поднялась. Переступила через деньги:

- Прощайте, Хозяйка Дара.

- Света тебе, Алла Борисовна.

- Я Наталья. Простите меня.

- Благословенна будь, Наталья.

Муж вернулся, когда мы с Агашей уже отцепили от обоев крашенные тряпки и распивали компот.

- Ну что, как успехи?

- Эх, милоч, как только живешь с нею? Ведь наскрозь все видит, - сочувственно вздохнула старушка.

- Так вот и мучаюсь. А чего у вас сегодня было?

- Не дозволено мне обсуждать-то, - строго проговорила Агафья Даниловна. Муж вопросительно воззрился на меня.

- Я лучше расскажу, как ко мне в пятницу в школе родительница пришла. На час опоздала: я, говорит, тут пока до вас бежала, кучу дел переделала. У меня, говорит, дом полная чаша, а старшая дочь все по подвалам шарится, неделю дома не ночевала. Младшенькой-то пример какой плохой подает. Воздействуйте как-нибудь на поганку!

- То есть у нее эта куча дел более важных была, я так понял? Чем дочка, по неделе пропадающая с бомжами?

- Выходит, так. Ну, расспросила ее про семейную динамику, говорит, разводов у родителей не было, даже бабушки-дедушки благополучно прожили. Сиж, думаю. Младшая, говорю, тоже бегают? Нет, не бегают. Сиж, думаю. А у вас, интересуюсь, это первый брак? Мнется: ну жила с одним, но всего полгода, подумаешь, давно быльем поросло. Так девочка-то от кого, спрашиваю? Ну от первого, ну фигня, рожала уже замужем за вторым, у нее и фамилия наша. Да что вы говорите! и фамилия ваша! Значит, так, говорю. Если вы хотите спасти своего ребенка, надлежит немедленно сказать ей правду. Сообщить имя и фамилию, дать фотографию отца.

- И что мамаша?

- А мамаша говорит: ну вы и дура, женщина, я пришла к вам за помощью и такую дрянь слышу, ну и психолог, не психолог, а скотина какая-то, жаба с трудоднями.

- Почему с трудоднями-то? – живо заинтересовалась Агафья Даниловна.

- Ну, вид у меня работающий, наверное, - предположила я.

- Ты ей в ухо не плюнула? – прошипел супруг.

- Ну, плевать я не стала, конечно. Я сказала, говорю, а вы слышали, по-прежнему вы уже пробовали и результат вас не устраивает; теперь вы можете попробовать по-другому. Выбор за вами.

- Ушла?

- Дверью хлопнула и пошла к директрисе, жаловаться.

- И что сказала начальство?

- Объявило мне через секретаршу – завтра с утра на ковер.

- Собака такая! – посочувствовала Агаша.

- Гав, - деликатно сказала Лютеция.

- Ты чего? – спросил Григорий.

- ГАВ! – и чернокудрая зверюга повернулась к холодильнику, чуть не сметя крошечную старушку с табуретки.

- Она сыру требует! – сказала Агаша. – Я ее тем разом все сыром улещала, так теперь обижается, что не дают.

- Вот уж дудки! Сыру тебе не видать, пока не заработаешь, - решительно сказал хозяин. – Дай лапу!

- Гав.

- Гав не гав, а пока лапу не дашь, сыру не получишь.

Люшка подняла лапу.

Гриня пролил компот на футболку. Агафья Даниловна сказала, пытливо глядя в Плюшкину морду снизу вверх:

- Нет, ты другую давай! Неуважительную лапу поднимаешь!

- Гав, - укоризненно сказала собака, опустила левую конечность и подняла правую.

Григорий безропотно выдал ей кусок сыра размером с учебник математики, а Агаша зачарованно спросила:

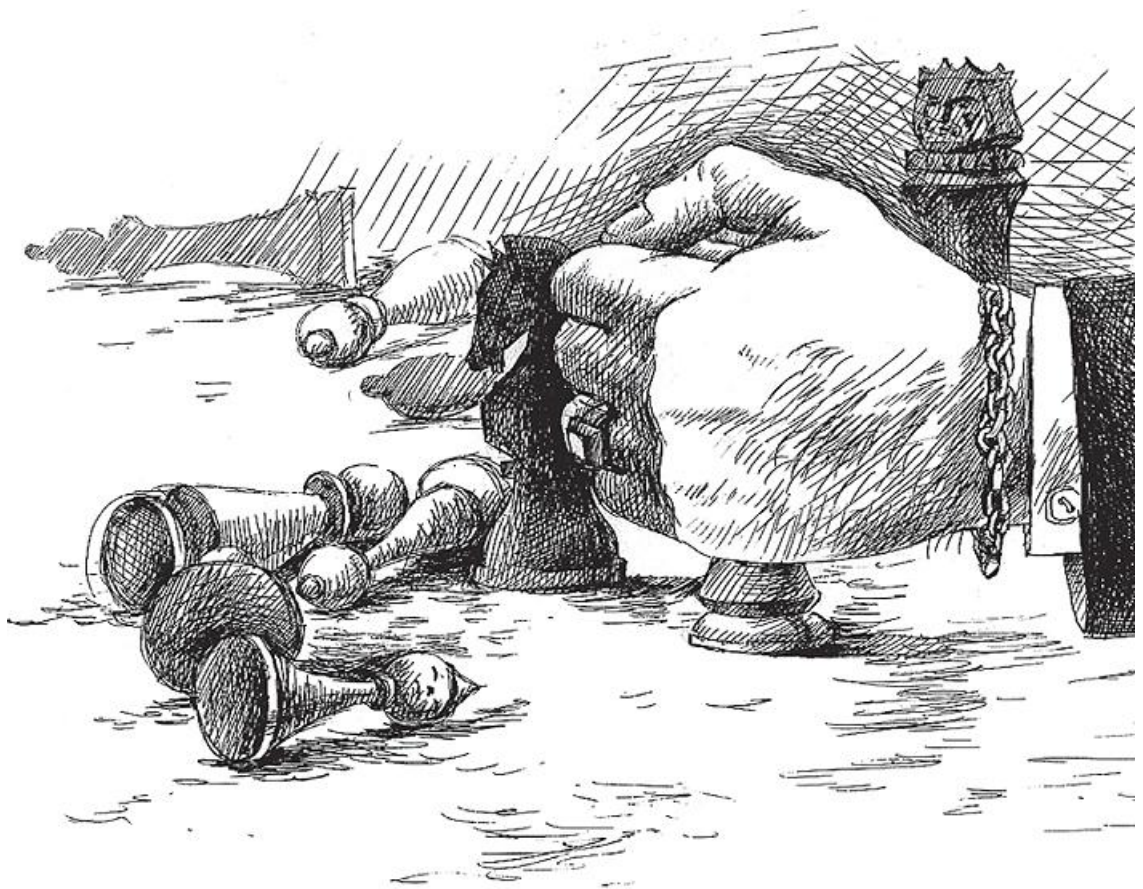
- А может, ты это... И на собаку воздействуешь своими талантами?

- Агаша, ну ведь я не шаманка. Я психолог, техникой расстановок по Хеллингеру в Австрии и Германии человек сорок владеет. Это здесь диковинка, а там – просто хорошая работа, - проворчала я.

- А можа, чего-то есть! – не сдавалась старушка.

- Об этом мы подумаем завтра, - сказал глава семьи. - А на сегодня объявляю отбой.

Глава 5 Черная кенгуру

Глава 5 Черная Кенгуру

19 августа 1991 года, понедельник

- Донара, ты телевизор включала? Весь день «Лебединое озеро» крутят! – просунула в комнату седую голову Агафья Даниловна.
 - Да неужто! Горбачев вроде молодой, скончался что ли?
 - Говорят, что еще не помер, но уже совсем хворый. ГКЧП там в Москве наступило, объявили, цены заморозят и по 15 соток бесплатно раздадут! У тя Гришка-то где?
- Я плюхнулась на табуретку как подкошенная.

- Сроду бы не подумала, что порадуюсь – на Кавказе он.
- Я в «Урале» очередь заняла. За солью и спичками. Может, керосину прикупить?
- У нас что, спички кончились?
- Ну что ж ты такая несмышленная. Обещаются цены заморозить? Ну так чай, последнее пропадет! А у нас картошечка своя, и овощ всякий имеется, соль только сама не растет.
- Ладно, Агафья Даниловна, твою взяла, соль и спички бери сколько хочешь. Только без керосина. Сгорим еще, представь – дети найдут да затеют очередную шалость. Надо будет – Гриша в аэропорту сколько потребуется достанет, у него там вся милиция в приятелях, - ответила я, схватила табуретку и бросилась в темную комнату:
- Давай-ка «Спидолу» с верхней полки достанем. Подумать только, опять «голоса» слушать придется!
- Агаша дернула меня за рукав:
- Донара, пора мне назад, за спичками. Заодно в очереди рассказать, что в Москве комендантский час ввели!

И она засемила к выходу, предвкушая полчаса в центре внимания. А я принялась прикалывать драпировки к обоям, потому что переворот переворотом, а клиент вечером придет, и антураж должен соответствовать ожиданиям. Хотя я с сегодняшнего дня вознамерилась отказаться от черной мантии, с помощью которой поначалу приводила посетителей в растерянность, но темные стены создавали атмосферу эзотерической таинственности. Чего и следовало достичь, поскольку Корректоры Системных Переплетений, как мне кажется, не должны жить в хрущевках с незабудками на обоях. Я задернула плотные портьеры и, как всегда, поставила семь свечей.

За тринадцать понедельников это оказался первый посетитель мужского пола. В дверях ему пришлось пригнать голову и сложиться в коленках. В кресло клиент опустил осторожно, как будто пристраивал гантель на кассете яиц. Ботинки из крокодиловой кожи были того размера, с какого начинаются уже чемоданы.

- Значит, так, мамка, вот тебе зелень – он выгреб из кармана сантиметровую пачку долларов – давай выручай.

- Как мне к вам обращаться, молодой человек?
- Боней кричи.
- ? – подняла я бровь.
- Бонифаций я.
- Бонифаций, вот на краю стола шахматные фигурки. Выберите ту, которая будет изображать вас, поставьте, накройте ладонью и расскажите, что вас сюда привело.

Парень вытянул черную ладью, вырезанную из старой вишни. Башня ее потеряла несколько зубцов, но лицо, насупившееся под нею, по-прежнему грозно хмурило брови. Ладья приземлилась посреди столика, совершенно спрятавшись в огромном кулаке. Я положила руку на его запястье:

- Итак?
- У меня клаустрофобия, - неожиданно правильно выговорил он. – Я в любой мороз окна в машине открытыми держу. В твоей коробке через пять минут умирать стану.

Действительно, комната со всеми этими драпировками изрядно напоминала черный ящик из «Что? Где? Когда?».

- Закройте глаза и молча посидите.

Здоровяк доверчиво затих. Понемногу лицевая мускулатура его обмякла, дыхание изменилось, виски покрылись каплями пота.

- Откройте глаза. Посмотрите на остальные фигурки. Молчите.

Прошла минута.

- Возьмите любые фигурки, в любом количестве, и расположите любым произвольным образом.

Через несколько минут скатерть из черного меха покрылась двумя десятками фигур. Две из них стояли – потрепанная черная лошадка позади левого плеча черной ладьи и тучный белый король точно напротив, лицом навстречу, на другом краю стола. Остальные лежали – черные, белые, поодиночке и кучками.

Я поднялась из-за стола, включила электричество, задула свечи, развела портьеры и открыла окно. Неудивительно, что у парня клаустрофобия, ибо душа его еще жива – и уже не может выносить столько мертвых на совести. Затем вернулась на место и сказала:

- Заберите свои деньги. Помочь не в моих силах.

На мгновение повисла пауза, и парень заорал:

- (бип-бип-бип), шутки (бип-бип) со мной играть вздумала!

На этом этапе к диалогу присоединилась собака.

Грохнув дверью, Люшка вылетела из кухни, в один прыжок оказалась у стола и приземлилась справа от меня, подрагивая черным загривком. Клиент подпрыгнул в кресле и дернулся к пазухе, черная терьерница

обнажила зубы и вздыбила холку. Парень медленно-медленно втянул бритый затылок в квадратные плечи, по миллиметру сполз на покрытое черным бархатом сиденье и тихонько спросил:

- Это (бип-бип) чего (бип-бип) она, в натуре?
- Лютеция Серебряная Легенда не любит, когда со мной разговаривают на повышенных тонах.
- Да я (бип-бип) чего (бип-бип), я обычно говорю, мамаша, ты чего, убери своего динозавра.
- Я могу только повторить: не в моих силах вам помочь, и денег я ваших не возьму.
- Ладно, - зашептал «бык», - а чего-нибудь сделать можешь?
- Могу только показать сокровище.
- Базара нет, и забашляю вдвое, ну давай уже!

- Деньги отнеси в церковь. Я не могу их взять.
- Да что ты заладила за бабки. Давай лепи уже.
- Скажи, Бонифаций, а братья-сестры, жены-дети у тебя есть?
- Да какие жены, шалавы одни. Мать вот есть, богомолка. А так один я как перст.
- Положи руку на фигурку ладьи и закрой глаза.

Он затих до самых крокодиловых ботинок. Люшка перестала пружинить холку и опустила уши. Я вернула ладонь на его запястье:

- За кровь, которую ты пролил, ты начал платить уже сейчас. Это есть для тебя милость Божья. Если бы у тебя были младшие, платили бы они. До седьмого колена. Если только мать что отмолит... Что сейчас у тебя с рукой?

- Разламывает прям, и шевельнуть не могу, только кровь тикает.
- Это все, что осталось от твоей души.

Я убрала руку:

- Больше мне помочь тебе нечем. Я сказала, а ты услышал.
- Лютеция растянулась на ковре, положив на лапы лохматую башку.

Боня открыл глаза:

- И приговор обжалованию не подлежит?
 - Ну, Христос на кресте взял разбойника в Царство Небесное. Но я – всего лишь человек.
- Мы помолчали. Парень сгреб доллары, посмотрел на них с тоскливым недоумением и сунул в карман.
- Прощай, Боня.
 - Прощай, Хозяйка Дара.

Агаша, белая как простыня, плакала посреди кухни.

- Незнай что делать-то. И выйти боюсь, и стоять тошно. Господи Боже ж ты мой, и что бы мы с таким сделали, кабы не Люшка?

- Не было никакой опасности. Больше полагайся на Господа, и будешь безопасна.
- И чего теперь будет с этого бандюка?

- Ах, Агаша, Ему отмщение, и Он судья. Это не наше дело. Забудь, милая, и главное, Грише не проговорись. Иначе больше мы ни одного человека не примем. А кому-то ведь и помогаем. Просто этот – не наш, ему если что и поможет, так Божий храм да материна молитва.

Агафья Даниловна поставила чайник, чиркнула спичкой, достала чашки:

- Все ж таки жалко, что Гриша на Люшу не поглядел! Да разве это собака? Это не собака, а сыр в шоколаде! Поумней каких других людишек будет!

Люшка довольно засопела у холодильника.

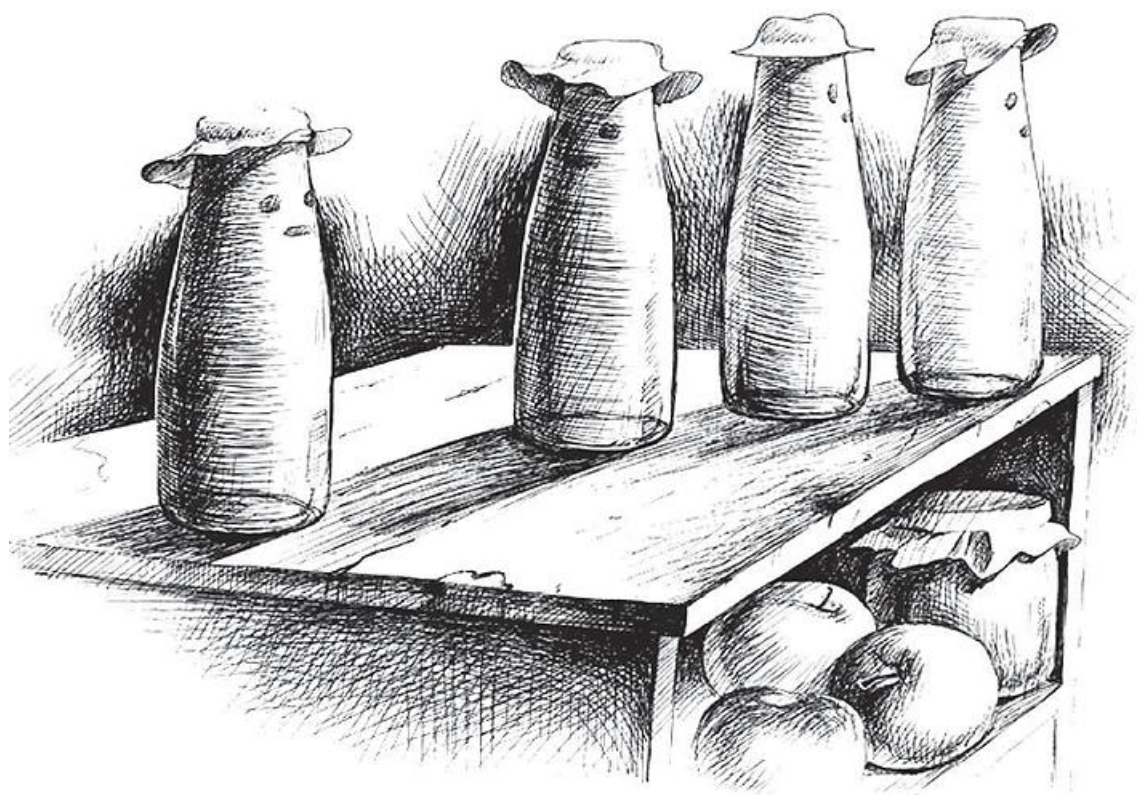
- Косточку ждешь, моя ласточка? Куплю, мигом подхвачусь, погоди малость!

Псина разочарованно вернулась на коврик.

- Такое впечатление, что она правда все понимает, - сказала я.
- Да ты в уме ли, девка! – обиделась старушка. – Да Люша... как его... Лифшиц среди собак!
- Может, Эйнштейн?
- А твой Эйнштейн может тапочки в зубах принести?

Я признала свое поражение.

Глава 6 Похищение младенца

Глава 6 Похищение младенца

25 декабря 1991 года, среда.

- Тапкина, на процедуры! – гаркнула тетка в белом халате.
- Я Лапочкина, - пискнула хорошенькая роженица с задорным «ежи́ком» на голове.
- Ну Тапочкина, - прогудела бабища.

Софья сползла с кровати и поплелась в процедурную. Соседки – кроме нас с Лапочкиной, там были еще трое, как на подбор, Вера, Надежда и Любовь, переглянулись:

- Жалко девчонку, - сказала Вера, интеллигентная дама без возраста, кандидат наук «по картошке».

- Того и гляди грудь прооперируют, - вздохнула Надежда, пожухшая блондинка лет тридцати, мастер с какого-то завода.

- Сиськи у нее как каменные, - поддакнула Любовь, разбитная продавщица из овощного.

Я пристраивала в тумбочке свои пожитки, полмесяца меня тут точно продержат, пусть и родила я на рассвете вполне благополучно. Наверное, в прошлом веке я бы через час после родов побежала косить. Хотя в декабре косить нечего...

- Донара, а тебе когда кормить принесут?

- Надеюсь, что как всем, назавтра, а говорят, раз двоих родила да раньше срока, только на третий день, - ответила я.

- Девчонки, чего скажу-то. СССР отменили! – объявила Любка.

- Как это? – подняла голову Надежда.

- Мой сейчас приходил, говорит: три мужика поехали в лес и отменили СССР!

- Правда, - сказала Вера. – Мой тоже рассказывал. Ельцин, Кравчук и Шушкевич. В Беловежской пуше.

- И что сейчас будет? – спросила Люба.

- Да ничего, - сказала Надежда. – Пограничных столбов не напасутся, и рубль везде денежка. А и уйдут – меньше нахлебников будет. А мой балбес, видели, пришел рука в гипсе? Додумался вчера, сказали, что я рожаю, так он залез на дерево прямо перед родовой. А как увидел кровь да услышал крики, потерял сознание и с дерева сверзился!

- Хорошо еще голова цела осталась.

- А что дурацкой голове сделается! Там кость одна!

Вера подхватила к двери:

- Сонечка, ты чего?

Софья держалась за облупленный косяк, бледнее больничной наволочки:

- Они сказали, до утра вряд ли доживет.

Бутылка из-под кефира, которую я прилаживала под кроватью, покатила по драному линолеуму:

- Это она о чем?

- Давай, ляжь скорее, не слушай их, они и сбредут - не вспотеют, - Любка захлопотала, укладывая ее, раздевая, укрывая.

- Она уж десятый день лежит, ее девочка есть отказывается, ни грудь не берет, ни бутылку, на одних капельницах жива, вроде и болезни никакой найти не могут, а не ест, - сказала Надя, разливая по граненым стаканам яблочный сок из трехлитровой банки. – Надо допить, девчонки, а то до завтра пропадет.

Софья уткнулась лицом в подушку, спина ее тряслась.

Господи Боже мой, надеюсь, молоко не пропадет, подумала я и тронула ее за плечо:

- Соня, может, я смогу помочь?

- А ты что, педиатр? – повернула она голову.

- Нет, я... специалист широкого профиля. Хуже ведь уже не будет, может, попробуем?

- Я на все согласна, - всхлипнула Соня.

- Девочки, пока к вам одна очень важная просьба: молчите, не пророните ни звука, - сказала я и усадила Софью на стул. – Я расспрошу тебя о твоей семье.

- У тебя и супруга это первый брак?

- Да.

- Расскажи о родителях мужа и своих.

- Свекровка со свекром вместе с пятого класса, дружно живут, позавидуешь. А моя мама умерла, когда меня, единственную, рожала. Папочка – он парашютист был, альпинист, мотогонщик – разбился недавно, полгода не прошло. Он маму очень любил, так больше и не женился. Я вся в него – и мотогонки, и альпинизм...

Я огляделась. На всех тумбочках стояли бутылки с молоком-кефиром, и под каждой койкой красовалось по две-три уже вымытых, у Надежды выстроилось несколько банок с этикеткой «Яблочный сок».

- Может быть, у кого-нибудь помада найдется?

- На, держи, - протянула мне пластмассовый футлярчик Любани.

- Сегодня к нам еще будут заходить?

- Может, часа через три только, Вериного сына принесут, а пока не должны. Одиннадцатый час уже, - заинтригованно сказала Надежда.

- Соня, сходи умойся, попей водички. Погуляй минут десять. Вера, можно я бутылки возьму?

- Бери, конечно, - растерянно ответила она.

- Хочешь банку от сока? – спросила Надя.
- Спасибо, банка не подойдет, - сказала я, рисуя на бутылках бордовой помадой точки-глаза и черточки-рты. – Вот если сможешь пристроить на горлышках что-нибудь разноцветное, ты мне очень поможешь. Надо, чтоб отличались друг от друга.
Любка вытащила откуда-то горсть «ассорти»:
- Не успела смять, мне Витька втихаря по веревке поднял, - сказала она, шустро разворачивая яркие фантики.

Соня вернулась, когда на стуле выстроились глазастые бутылки с разноцветными шляпками.
- Сонечка, выбери отсюда, - показала я на шеренгу молочной тары, - себя, дочку и своих родителей.
- Бутылка с белым фантиком буду я, с синим папа, с зеленым мама, с розовым дочка.
- Теперь поставь на стол себя, зажди в руке, закрой глаза и молчи, - сказала я и накрыла своей ладонью ее запястье.

Лампочка в палате была ватт на шестьдесят. Мои домашние семь свечей и то давали больше света. Наконец лицевые мышцы Софьи расслабились, дыхание изменилось.

- Теперь поставь на этом столе всех остальных. Медленно, подчиняясь только тому, что услышишь отсюда, - и я коснулась середины ее груди.

Она плавно, как во сне, принялась за перестановку. В конце концов бутылки выстроились как по линейке: в дальнем углу, спиной ко всем, «мама», в затылок к ней «отец», затем – спиной к «отцу» – бутылка с розовой крышечкой и на небольшом расстоянии – бутылка под белым фантом.

- Это называется «поезд смерти», - сказала я. – Уходит твоя мама, за нею идет супруг, не смилившийся с потерей, и туда же следуешь ты. А твоя дочь словно говорит: «Лучше я, чем ты, дорогая мама», - и, преграждая тебе дорогу, готова умереть ради того, чтобы ты жила.

Тоненькая шейка дернулась:

- Из-за меня погибла мама, и из-за меня умирает моя малышка?!
- Может быть, здесь есть решение, - сказала я. – Может, не поздно еще. Положи руку на зеленую, мамину крышечку.

Она покорно положила руку.

- Молчи. Закрой глаза. Дыши. Что ты чувствуешь?
- Отчаяние. Черное, беспросветное отчаяние.
- Это чувства твоей матери. Она ушла, давая тебе жизнь, и не хочет, чтобы ее жертва оказалась напрасной. Теперь положи руку на синюю крышечку. Закрой глаза.

Ее дыхание снова изменилось.

- Что чувствуешь?
- Тяжесть. Какую-то вину.
- Мужчина, чья жена умерла родами, нередко чувствует себя убийцей и бессознательно стремится уйти вслед за нею. Но умершие родами женщины осознают собственное достоинство и ни в чем не обвиняют партнера. Решение иметь ребенка – всегда обоюдное решение.

Я выстроила фигурки в правильном порядке: отец и мать за спиной дочери, впереди которой стоит внучка.

- Положи руку на свою крышечку. Дыши. Повторяй за мной: «Моя дорогая мама, то, что ты дала мне, было не напрасно».

- Мамочка, все, что ты дала мне, было не напрасно.
- «Я уважаю твой дар и его цену и принимаю его с любовью. Я сделаю из своей жизни что-нибудь хорошее в твою честь».

Она медленно повторила фразу за фразой.

- Что ты чувствуешь?
- Как-то... неопределенно...
- Скажи: Я поживу еще немного, а потом тоже умру.
- Я поживу еще немного, а потом тоже умру, - сказала Сонечка и разрыдалась. Через несколько минут я протянула ей полотенце:

- Как теперь?
- Теперь я чувствую покой.
- «Дорогая мама, посмотри благосклонно на мою дочку».
- Дорогая мама, посмотри благосклонно на мою дочку, - повторила она и счастливо улыбнулась.
- Да, вот ты уже чувствуешь, как все становится на свои места. Теперь просто посиди, глядя на это построение. Это решение для тебя. Возьми это в свое сердце.

Спустя несколько минут она глубоко вздохнула и подняла голову:

- Вы знаете, я чувствую такое умиротворение...
- Каждый, кто берет, должен уважать дар, который получил, и дарителя.

Мы помолчали.

- Помни о своем обещании.
- Никогда не забуду, - сказала она.
- Да будет с тобой Свет, София, - поднялась я и вышла. Нестерпимо хотелось в дальнюю комнату на восемь унитазов.

Когда я вернулась, все четверо сидели, сгрудившись на одной койке.

- Что это было? – подступила ко мне шустрая Любаня.
- Это был сеанс психотерапии. Расстановка семьи по Хеллингеру.
- И что теперь?
- Теперь бы малышку ее к груди приложить. Так быстро, скорее всего, не сработает, но попробовать бы хорошо.
- Ночной медсестрой сегодня Евлампьевна: такая жаба, разорется, без врача, мол, не просите, - сказала Надежда.
- И уговаривать не будем. Пошли своруюем, - неожиданно предложила Вера.
- А как угадать, которая Сонькина? – спросила Люба.
- Моя с краю, около стоек с капельницами, - сказала Соня. – Я на нее все время хожу смотреть из моечной, там в стене дырка есть здоровая, вроде окна для посуды.
- Ты иди в моечную, я тебе в дырку малышку подам, вот здорово, что найти легко, - обрадовалась Любаня, - а если меня там застукают, скажу, так, зашла на свою поглядеть.

Через пять минут они вернулись, взмокшие, несчастные:

- Не вышло, застукала, зараза.

Надежда полезла в тумбочку:

- Сейчас я ее отвлеку, - сказала она, достав очередную банку с этикеткой «Яблочный сок», и отправилась к выходу. – Тут кумышка. Мой говорит, всегда с собой брать надо, дурак-дурак, а умный. Верка, а ну за мной, как дойдет, девчонок свистнешь.

Прошло не меньше часа, пока в дверь просунулась Вера:

- Девчонки, вперед!

Соня с Любой вылетели, как пробка из шампанского. Я перекрестилась.

Через минуту они вернулись с тугим свертком. Малышка была синюшно-бледной.

- Она вторые сутки даже плакать не может, - шепнула Люба.

Соня развернула малышку, прижала к себе, достала грудь. Мы затаили дыхание. С бурого соска прямо в крошечный ротик сползла капля. Через невыносимо огромный промежуток времени ротик открылся и принял в себя каплю, другую, Сонечка, сжимая сосок, пыталась его пристроить в губки-ниточки, с ее ресниц капали слезы, из соска дождем лилось молоко, ребенок принимал каплю за каплей и вдруг схватил материнскую грудь и задергался всем тельцем, как розовый червячок, вбирая жизнь и силу.

Любаша бочком-бочком исчезла в дверях. Через пять минут все трое, обнявшись, стояли на пороге, упиваясь зрелищем триумфа веры, любви и надежды.

Тусклое утро обещало перейти в солнечный день. Фонарь за окном покачивался, освещая результаты трудов счастливых папаш. На заснеженном газоне каким-то из них было аккуратно вытоптано «Спасибо за дочку!»

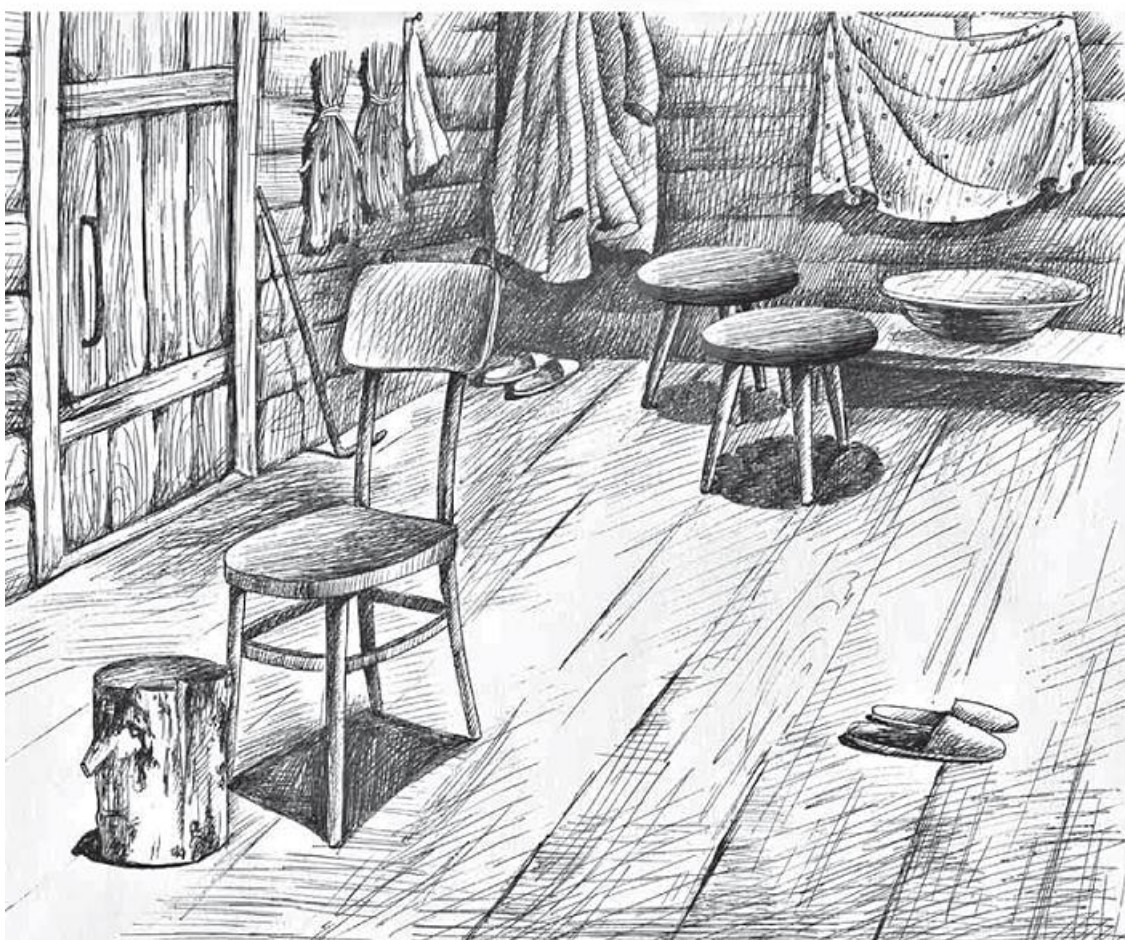
- Можно я ее Донарой назову? – сказала Соня, лишь на рассвете вернувшая на место свою малютку.
- Тогда уж лучше Бертой. В честь Берта Хеллингера, автора этой методики.

Надежда, раздавленная похмельем, сказала:

- А ты еще говорила, в первый день чтоб ребенка давали. Мой бы точно алкоголиком стал. Сцежусь, сразу вылью, а то чей-нибудь малыш еще сопьется.
- Тапкина, на процедуры! – прогремело в коридоре.

Мы чокнулись яблочным соком и пошли занимать очередь.

Глава 7 Скандал в благородном семействе

Глава 7 Скандал в благородном семействе

12 июля 1992 года, воскресенье.

- Гриша, а правду по телевизору говорят, что ваучер скоро будет как "Волга" стоить?
- Что-то мне не верится. Вряд ли, Агафья Даниловна, - ответил супруг, принимая аккуратные кульки, похожие на батоны колбасы. Пристроив под мышкой сладко сопящих Веронику и Владиславу, он пошел к нашему новому бревенчатому пятистенку.

- Дрыхнуть будут часа четыре, - довольно объявила Агафья Даниловна. - Давай сами попаримся, спящих-то папаша небось укараулит!

И мы вернулись в благоухающую деревом новенькую осиновою баньку.

Через полчаса, наливая травяной чай в огромную чашку, Агаша ответила на мой немой вопрос:

- Это у меня рак был. Ровно сорок пять лет нонче, как мне правую грудь удалили. Говорили, двух годов не протяну, ан гляди, всех пережила. Зачем только так жить, одной-то...

- Неужто Фрол Семеныча выставила?

- Выгуришь его, как же, зальет глаза да топором машет. Что с него толку. Вот и толкусь у тебя, спасибо не гонишь.

- Господь с тобой, Агаша, ты моя спасительница по дому, я без тебя в три дня бы пропала. А что, детей-то у вас не было?

- Ах, Донара, Фрол у меня третий супругник. А деток у меня двое, сын от первого и дочь от второго. Бросили меня дети-то. Сын двадцать лет на Сахалине, дочь семнадцать лет в Казахстане, по первости хоть на именины звонили, а как я с фабрики ушла, десять лет тому, и позвонить некуда. Дома телефона нету, а адрес они, видать, помнить не хотят.

Мы помолчали, допивая мятный настой. Потом я спросила:

- Агаша, ты бы хотела что-то изменить?

Она подняла выцветшие глаза:

- Я отдала бы левую грудь.

- Ты уже достаточно заплатила в своей жизни. Но сейчас ты столкнешься с болью, от которой когда-то, может быть, отвернулась. Готова ли ты к этому?

Схватив нательный крест, Агафья Даниловна зашевелила губами. Я огляделась: в просторном предбаннике очень кстати стояли шесть новеньких табуреток. У печи лежала охапка поленьев, топырился березовый пенек, невесть зачем затащенный хозяйственным Тошей, чернела кривая кочерга.

- Пусть будет что будет, - сказала Агаша.

- Дети спят, а и проснутся, Гриша в баню же не зайдет. Фигурки дома остались, ну да ведь нам результат важен, а не антураж. Расскажи о своих браках.

- В восемнадцать лет, уже сиротой, я вышла за Тимофея. Война была, его не взяли - пальцев на ноге не было. Родила Мишу, а через полгода у меня титьку-то и отрезали. Сперва говорили, мастит, потом - рак. Через месяц Тимофей меня бросил. Первый парень был на деревне, зараз женился на дочке председателя, а мне папаша ейный паспорт справил: катись, мол, отседова, чтоб не сглазила, полчаса те на сборы и трояк на дорогу.

- Уехала?

- Куда ж было деться, сгноил бы. Да и так чуть не сгнула. Подались мы с Мишенькой в Чижевск, устроилась гильзы точить, сынок оставался в бараке, смотрела за малышами барачная приживалка, вечно пьяная, как выжили, до сих пор дивлюся. Хлебнули лишенька. Только через пять лет, когда ко мне мастер наш посватался, вздохнула: комнату дали, а через год и Таня родилась. С Ильей Василечем мы двадцать лет прожили - ни хорошо ни худо. Помер в семидесятом. Через пару лет дети разлетелись кто куда. В восьмидесятом сошлась с Семеничем, не посмотрела, что пьет тошней верблюда. А все ж не одна...

Мы помолчали. Угли в печи подернулись пеплом, пахло свежим деревом, где-то неподалеку безостановочно брехала собачья свадьба.

Я поднялась с единственного стула:

- Поставь вместо себя этот стул, вместо Тимофея - пенек, за Мишу и Таню - табуретки, за Илью Васильевича и Фрола Семеновича - черные твои и синие мои тапочки. Слушай себя вот здесь, - и я коснулась ее выцветшего халатика посредине груди. - Медленно, не торопись. Чувствуй.

Пенек встал прямо у ножек стула. Табуретки замерли далеко позади гнутой фанерной спинки, тапочки приземлились изрядно в стороне - черные слева, синие справа, ногами к стенкам.

- Сядь на стул.

Я положила руку на Агашину прозрачную лапку.

- Молчи. Просто чувствуй.

Через несколько минут Агаша начала раскачиваться взад-вперед, лицо ее приобрело выражение иступленной ненависти - и странным образом стало моложе.

- Что ты чувствуешь?

- Что готова убить Тимофея собственными руками.

- Теперь сядь на табуретку. Молчи.

Агаша замерла на основной трехножке. Потекли минуты.

- Обрати внимание - твои руки сжаты в кулаки.

Она опустила сощуренные глаза на стиснутые пальцы:

- Я и сама как один большой кулак, - процедила она.

- С этим живет твой сын. Вот что происходит с твоей ненавистью к первому мужу - она возвращается к тебе от детей. Для тебя решение в смирении.

Она взметнула на меня взгляд и яростно отчеканила:

- Я никогда его не прощу!

- Сядь на вторую табуретку.

Как тетива, натянулась ее тощая шея, подбородок вздернулся ввысь. Лишь через несколько минут она чуть обмякла и пересела.

Воздух как будто сгустился. Потрескивали последние угольки. Неподалеку заорали: "А ну пошли отседа!", собачий брех на улице превратился в визг и затих, удаляясь.

Понемногу лицо Агаши обмякло и приобрело выражение тоскливого отчаяния.

- Как тебе?

- Плохо. Как в черном колодце сижу.

- С этим живет твоя дочь. Решение в смирении. Вернись на стул.

Агафья Даниловна гордо пронесла седую голову обратно.

- Сейчас я даю тебе семь минут, - сказала я, выкладывая на стол наручные часики. - Если ты выбираешь ненависть, я больше ничего не смогу для тебя сделать. Семь минут.

Секундная стрелка прыгала по кругу как оглашенная. Старуха стиснула руки: седая голова откинута, на скулах играют желваки, на виске пляшет синяя жилка. Третья минута, четвертая... На лбу ее выступила испарина, веки сомкнулись, дыхание замерло. Пятая минута, шестая... Как можно не дышать три минуты подряд?! Стрелка отправилась в седьмой круг, когда Агафья Даниловна глубоко, судорожно вдохнула - и стиснула крестик на груди:

- Ну ладно.

Я коснулась ее плеча:

- Посмотри, как стоит пенек. Ненавидящий связан с ненавидимым крепчайшими узами, и твое горе закрывало тебе весь мир. Ты не принадлежала целиком своим второму и третьему мужьям, ты не могла быть полностью со своими детьми, потому что огромная часть твоей энергии уходила в злость. Все эти годы ты не была ни с кем, кроме ненависти.

После короткой паузы она подняла глаза:

- Может, и так.

- Повторяй за мной. Мой первый муж, я отдаю тебе честь как отцу нашего сына.

Невыносимо медленно, задыхаясь на каждом слове, но она повторила - и с должным чувством.

- Мне было очень больно.

- Мне было очень больно, - повторила она и горько заплакала.

Спустя несколько минут я протянула ей полотенце:

- Теперь скажи: твою вину я оставляю тебе.

- Твою вину я оставляю тебе, - повторила она.

- Я не сужу.

- Я не сужу.

Я расставила предметы в должном порядке. Справа от Агашиного стула поставила исполняющий роль первого супруга пенек, перед ними - табуретки, символизирующие детей, а слева - черные и синие тапки: последующих мужей.

- Теперь отойди в сторонку и посмотри на эту картину. Возьми ее в свое сердце.

Через пару минут я коснулась ее плеча:

- И когда будешь в церкви, попроси у батюшки епитимью. Судить - не наше дело. Осуждать - не наше право. Ему отмщение, и Он воздаст.

Агаша тихо заплакала, слезы скатывались мелкие, запутывались в морщинках, она смахивала их полотенцем.

- Пойду к ребятишкам, - сказала я. - Останься здесь на какое-то время. Побудь с этим.

- В Сараево даже рядовые получают знаешь какие деньги? - горячился супруг. - 1 доллар 20 центов в день! А я все-таки офицер! Между прочим, даже в Москве среднемесячная зарплата 8 долларов.

- Гриша, я не могу больше: бояться почтальонов, бояться телефонных звонков, жить от восточки до восточки. Должны же быть другие способы заработать. Говорят, закон о частной охранной деятельности должны принять. Может, это лучше?

- Караулить жирных клопов? Да ты знаешь, какая смертность среди этого ворья? Я еще понимаю голову за Родину под пули подставлять, но за чью-то «капусту»?

- Эх, милый, послушай ты жену, - сказала с порога Агаша, - а случись что, куда она с четверыми? Их же не то что прокормить - их воспитать надобно.

- Да что вы на меня напали, - вконец рассвирепел муж. - Что, меня уже послали куда? Да нас сокращают в три раза, небось вычеркнут из списков, на этом все и закончится!

- Мой Семеныч недавно рассказывал, у них в конторе машинка продается, шлакоблоки клепать. Хозяин ихний проторговался на бирже, долги у их, все по дешевке спускают. Мой-то пьянчуга все горевал, вот бы купить такую машинку-то.

- Спасибо, Агафья Даниловна, но что у меня Гриша в шлакоблоках понимает. Он же не строитель.

- Ну уважила, дорогая. Я сколько окопов вырыл? Сколько блиндажей поставил? Да нам строительное дело два года преподавали: разве можно что-то правильно взорвать, если не знаешь, где находится слабое звено?

- Правильно, сынок, - поддакнула Агаша. - Вот тоже характерная такая. И на войну нельзя, и на стройку неиди. Свести тебя с Семенычем-то?

- Давай, Даниловна. Вот завтра вечером и сведи.

- Гриша, ну что это ты купил?

- Как что? Видишь, Распутин, сверху изображен на бутылке и подмигивает.

- Ну зачем Семенычу водку несешь? Опять он Агашу гонять начнет.

- А что ты хочешь, чтоб я с ним под компот разговаривал? Я, может, еще и не пойду к нему. Я там в ларьке Лариона встретил.

- Которого, старшину?

- Его самого. Он теперь в ларечники подался. Увидел меня, обрадовался: «Давай поговорим, командир, может, возьмешься меня защищать». Достает его хулиганье.

- Григорий Алексеевич, я вам вот что скажу. Не довольно ли воевать-то?

- Ты помнишь, что от твоих запасов сто долларов осталось? Еще я у тебя на шее не сидел! Ларион сразу пятьдесят долларов положить обещал! Если не я пойду воевать, то ты пойдешь опять шаманить!

Обида оказалась такой неожиданной, что я расплакалась:

- Я не шаманка! Я психотерапевт! Я в лучших ученицах у Хеллингера была! Таких, как я, на всю Россию десяток!

- Ну не реви ты, - засутился муж. - Ну чего ты. Ну я же хочу как лучше.

- На любой войне стреляют в обе стороны! Где тут лучше-то, между Сараево и крышей ларька? Ты хоть сходи к Фролу Семенычу-то. И вообще! Чтоб ты знал! Сколько бы ты ни зарабатывал, Хозяйка Дара все равно будет принимать посетителей! Потому что мне это нравится! Потому что я, когда на мне личина Хозяйки, людям помогаю больше, чем мне когда-либо удавалось! И нечего тебе выбирать дело по деньгам. Выбирай по душе! А деньги все равно откуда-нибудь возьмутся. Не было еще случая, чтобы мы умерли с голоду!

- Я подумаю, - мрачно сказал супруг.

Глава 8 Петля на шее

Глава 8 Петля на шее

25 февраля 1993 года, четверг.

- Донара, поди сюда! – Григорий пинком распахнул дверь, ввинчиваясь в дом спиной вперед. – Прими-ка! – и разворотом он выгрузил мне в руки тщедушного паренька, которого приволок в охапке. Парнишка бессмысленно лупал заплывшими глазами.

- Гриш, это сколько вы приняли на грудь?

- Пристрой его где-нибудь до утра, - совершенно трезвым голосом попросил супруг, выпрастываясь из куртки и сгребая парня обратно. – Это Лешка, бригадир мой.

Всего за полгода мой муженек превратился из нищего мента в крепенького кооператора. В его сарае лепило шлакоблоки уже одиннадцать человек. Но что у них там завелся промежуточный начальник в чине бригадира, было для меня новостью.

Через полчаса, постелив в зале надувной матрас и накрыв посвистывающего разбитым носом хлопца клетчатым пледом, я налила мужу компоту:

- Кто это его так разукрасил?

- Я, - смущенно ответил благоверный.

- А напоил кто? – растерялась я.

- Тоже я. Я его из петли вынул. Паршивец, на работу не вышел, ну я и зашел к нему вечером. Глядь, а у него дверь открыта: записку дописал и веревку прилаживает. Сперва насовал ему малость по сусалам, а потом «Распутина» в холодильнике нашел. Только его развезло сразу, как кисель по тарелке. Побоялся одного оставлять, вот с собой и приволок. Что делать, а?

Впервые муж обратился ко мне как к психотерапевту. До тех пор, как к нашей домоправительнице Агафье Даниловне, впервые за полтора десятка лет, приехали ее дети, он разве что шаманкой меня не обзывал. Результаты моей работы не очевидны, потому что люди приходят, когда им плохо, а когда хорошо – где-то вдали радуются жизни. А объяснять мужу, что трехмесячная очередь к Хозяйке Даре – «прием только по понедельникам, очень дорого» – как раз функция результативности, мне как-то не хотелось.

- Для начала подождем, пока проснется. А там поглядим. Если у него есть шанс... Хотя... раз высшие силы привели тебя к нему – наверное, шанс есть.

26 февраля 1993 года, пятница.

По радио Пугачева заливалась: «Да-да-нет-да». Референдум насчет доверия президенту, парламенту и правительству в очередной раз перенесли. Теперь Алла Борисовна звучит на всех волнах. Я выключила новенький модный трехпрограммник:

- Леша, почему именно вчера?

- Знаете, Донара Зурабовна, я год почти с веревкой играюсь. Как 27 стукнуло, так из головы нейдет.

Маленькая собачка до старости щенок, подумала я: гость выглядел не старше двадцати. Рыжие патлы, ссадина на веснушчатой скуле, бесхитростное лицо.

- Что-то было в родительской семье, что как-то соотносится с этой цифрой? – спросила я, положив на его запястье ладонь. Леша сосредоточенно свел бровки. Затем медленно, растерянно заговорил:

- Вы знаете, действительно, никогда не задумывался. 27-летним умер бабкин отчим. В реке утоп. А через 27 лет повесился бабкин брат, а его сын в 27 лет угодил в психушку. А мой отец в 27 лет стал инвалидом и пьет с тех пор без просыху.

- А сама эта бабушка жива?

- Жива, в Соцгороде у ней избушка. Крепкая бабуська, при памяти еще.

- А что-то еще о ее родителях тебе известно?

- Чего не знаю, того не знаю. Врать не буду.

- Тогда я тебя должна попросить вот о чем. Пойди к ней и выясни все, что сможешь, о ее родителях. Для того чтобы пойти дальше, нам не хватает информации. Я жду тебя завтра. Как раз будет 27-е число...

27 февраля 1993 года, суббота.

- Торт ей припер. Так она чуть не весь одна усидела! Крутая у меня бабаня. Прошлый год еще сама дрова колола. Как раз они с Анфисой Степановной чай гоняли, с соседкой, всю жизнь через забор живут.

- А что-то узнать удалось?

- Вот с этим пожиже. Говорит, знает только, что когда мать ее была ею беременна, муж ее куда-то исчез. И еще не успела она бабусю мою родить, как сошлась с молдаваном, от которого потом бабкин брат и образовался. Правда, Степановна встряла, болтали, мол, не так просто муж куда подевался, а помогли ему прабабка с полубовником, не то донесли в ЧК, не то сами загубили, но бабаня ей быстро рот заткнула – не болтай напраслину на мать, никто ничего не знает в точности.

- Напраслину, говоришь?.. Лешенька, Господь всегда посылает информацию тогда, когда она нужна. Я думаю, сейчас мы уже сможем поработать. Сделаем так. Возьми в кладовке разную обувь, носи сюда семь пар.

Алексей принес дворовые галоши, рыжие «вьетнамки», Тошкины кеды, растоптанные кроссовки, обрезанные валенки, Гришкины выходные ботинки и мои старые босоножки.

- Сними свои тапки, пожалуйста. Теперь расставь по комнате, медленно, вставая каждый раз на эту обувь и прислушиваясь к тому, что происходит в середине тебя, обувь. Валенки – это будет первый муж твоей прабабушки, кроссовки – ее второй муж-молдаванин и галоши – это будет сама прабабушка. Потом найди место для босоножек – они будут символизировать твою бабушку, дочку прабабушки. Вьетнамки – ее повесившегося брата, кеды – потерявшего разум племянника, ботинки – твоего отца. Но вначале поставь тапки – это будет твое место.

Валенки встали ногами в угол комнаты. Цепочкой, след в след, как индейцы на марше, за ними выстроились галоши, кроссовки, вьетнамки, кеды, ботинки и тапки. Только босоножки застыли чуть сбоку, пятками перпендикулярно к вьетнамкам.

- Встань в валенки, - попросила я и взяла его за запястье. – Просто постой молча. Почувствуй то, что будет с тобой происходить.

Алексей подкатал брючины и забрался тощими ногами в валенки. Прошло несколько минут. Дыхание его изменилось, ноздри раздулись, губы поджались.

- Теперь скажи мне, что ты чувствуешь. Это – не твои чувства, и я прошу тебя только сообщать о них. Не пытайся в них разобраться, просто говори.

- Я испытываю очень сильное чувство. Как только назвать его – может, злость?

- Может, и злость. Значит, это чувство принадлежит первому мужу твоей прабабушки. Теперь перейди в галоши. Молча постой еще немного. Чувствуй!

Через минуту его лицо исказилось:

- Здесь просто невыносимо. На меня как самосвал цемента ссыпали. Я дышать не могу!

- Прабабушке твоей после того, что было между нею и мужем, тоже счастливая жизнь не наступила. Может быть, на ней действительно есть вина. Хорошо, тогда сразу перейди к ботинкам.

Он втиснулся в Гришкины баретки и застыл. Брови его сложились домиком, на лбу выступила испарина, пуговица на манжете запрыгала от биения пульса:

- Здесь не лучше, - со страхом сказал он.

- За грехи родителей платят дети, так сказано во всех священных писаниях. Так жил твой отец. Посиди здесь, - махнула я на табуретку. Он с облегчением вылез из башмаков и рухнул в углу. Не торопясь, я выстроила обувь в другом порядке: напротив валенок, ногами к носам, построила линейку из всех остальных башмаков.

- Встань сначала в кроссовки и так постой.

Он покорно влез поверх шнурков. Через пару минут, когда мимические мышцы его перестали плясать, я коснулась его плеча:

- Теперь представь напротив себя, вместо валенок, первого мужа своей прабабушки и медленно – медленно! – поклонись ему. Настолько, насколько тебе поклон покажется правильным.

Он по миллиметру сложился вдвое.

- Если появится какое-то движение, иди за ним.

Алексей тихо, растерянно проговорил:

- У меня ноги подгибаются. Мне хочется встать на колени.

- Ты можешь это сделать, - ответила я. – Руки держи впереди, ладонями кверху. Когда почувствуешь, что уже достаточно, медленно встань.

Когда он поднялся, на лице его была печаль.

- Сделай то же в каждой паре обуви.

Закончилось это не скоро, но закончилось. Он стоял в клетчатых тапках, лицо его было измученным и повзрослевшим, но – странным образом – просветленным.

- Теперь скажи первому мужу своей прабабушки: «Я отдаю тебе должное. У тебя есть место в моем сердце. Пожалуйста, благослови меня, если я останусь».

Он медленно повторил эти слова.

- Теперь скажи прабабушке и ее второму мужу: «Какой бы ни была ваша вина, я оставляю ее с вами. Я всего лишь ребенок».

Он сказал.

- А теперь представь, что ты осторожно вынимаешь голову из петли, медленно отходишь назад и оставляешь петлю висеть.

Он все это проделал.

Я усадила Алексея в кресло, укрыла пледом:

- Теперь побудь один. Побудь с этим. Оставь это в своем сердце. Ни с кем не обсуждай какое-то время. Дай этому подействовать, - и ушла на кухню.

27 марта 1993 года, суббота

- Вполне могло оказаться и что-то другое, - отбивалась я от мужа, которому Алексей, впервые почувствовавший себя освободившимся от тяги к суициду, «под хорошую закуску» рассказал все до последнего шнурка. – Но когда в семье столько жертв, как правило, это плата за кровь.

- За какую такую кровь?

- За пролитую. Если в семье есть жертвы, скорее всего, в предыдущем поколении кто-то совершил насилие, и особенно тяжкие последствия, если это насилие внутри семьи. Вот я такой пример приведу. В нашем нищем краю в давние времена аборт не делали. Но родившихся нахлебников могли, не щадя, допустим, оставить на морозе. Сейчас это принимает другую форму – новорожденные в мусорных баках. Это явления того же порядка. Эти преступления замалчивались. И в последующих поколениях за них обязательно расплачиваются.

- Кто и как?

- Дети. Жизнями. Самоубийствами. Невозможно оставить ненужного ребенка на помойке, а через десять лет родить «для себя» и жить счастливо. За все придется заплатить, и если не самим родителям, то младшим детям обязательно. И уж, конечно, расплата неизбежна в тех случаях, когда эти жертвы остаются сокрытыми. Потому что если грех осознан, оплакан и известен, влияние его минимально. А вот семейные тайны – страшная вещь. Каждый член семьи имеет право на то, чтобы о нем помнили, чтобы его судьбу уважали. Если этого не происходит, трагические судьбы будут повторяться снова и снова.

- Точно, вот у Петра Петровича дед три жены схоронил, отец в третий раз женат, и сам он со второй женой разводится!

- Между прочим, обычай называть детей в честь родственников тоже чреват последствиями. Поскольку тогда дети чаще всего повторяют их судьбы со всеми печальными поворотами. Однажды ко мне пришел мужчина, названный именем трагически погибшего маленького братишки отца, с тем, что не может найти себе места в жизни. Сразу понятно, коли он идентифицирован с погибшим мальчиком, то и место он себе мог найти до возраста гибели того.

- И у Леши тоже повторение семейного сценария?

- Именно. Поэтому у меня сразу было предположение, что рассказ соседки отражает реальность. И коль была на то высшая воля, чтобы соседка была в доме – может быть, эта информация искала уста для того, чтобы быть высказанной.

- Неужели прошлое семьи так точно прочитывается?

- То, что было с семьей в предыдущих поколениях – это как фотография: что произошло, то и проявляется, что проявилось, то и отпечатывается. А потом по отпечатку может повториться...

- Выходит, если бы всякие там сатрапы знали, как дорого их дети-внуки-правнуки будут платить за их грехи, исчезли бы войны?

- Также мне новость. Да почти во всех религиях планеты дети платят за грехи отцов до седьмого колена. Знание мало кого привело к миру. К миру приводит любовь!

Глава 9
**Делай, что
должен...**

Глава 9

Делай, что должен...

3 октября 1993 года, суббота, 23-30

- Дак что ж это ты Гришку-то отпустила?!
- Агашенька, ну как я могла его удержать, чем? Стоило Петрухе из Москвы позвонить, мол, макашовцы только что захватили здание мэрии, а Хасбулатов уже Кремль штурмовать собрался, он сел в «уазик» и был таков! Девчонок только потискал, даже Тошу от бабушки не дождался. Куда ты на ночь глядя, говорю, хоть рассвета дождись. Нет ведь, в пол-одиннадцатого уже дверью хлопнул.

- Ну не реви, девка, ну чай не впервой, вернется твой суженый-ряженный, никуда не денется. Сходи-ка к заутрене, свечки поставь, заступнице Матери Божьей помолись, я с детьми посижу, угляжу небось. Макоша подсобит.

Всю ночь и весь день мы с Агашей провели у радиоприемника: Руцкой привел своих сторонников к Останкину, какими-то грузовиками разнес половину первого этажа, в результате на этих самых кадрах телецентр передачи свои прекратил. А на РТР все сидели какие-то политические бонзы и призывали вступить за Ельцина.

- Ух, Гриша бы поглядел на эти рожи гладкие, небось, дома бы остался, - бурчала старушка.

Под утро передали обращение патриарха: не совершайте кровопролития! Но по всей Москве звучали выстрелы. В довершение ко всему малышки проснулись в полшестого и закатили концерт, пытаюсь поделить собачью лежанку. Люшка безропотно сошла с матрасика и мирно поджидала, чтобы все как-нибудь устаканилось. Марианна, несмотря на все свое миролюбие, вышла и шлепнула обеих: дайте поспать! Те разрыдались: «А Макоша дерется!»

4 октября 1993 года, воскресенье, 20-00

- Доехал, значит. Ах ты поганец! Ты на кого выводок бросил! Ты на кого жену оставил!

Агафья Даниловна, недавно ставшая нашей кумой - мы позвали ее крестной наших малюток - была свято убеждена, что без нее мы пропадем.

- Агаша, добром прошу, Донару позови!

- А правду Семеновна говорит, что всю ночь по Москве танки гнали, и Белый дом разбомбили, и тыщи народу полегло, и комендантский час завели? - Агаша, отдай жене трубку!!! Донара? Донара, ты только тихо. Все хорошо уже. Да все уже нормально, сказал. Короче, вернусь в среду. Уже здесь все затихло, все уже кончилось. Уже не стреляют!!! Леше скажи, что утром звонить буду, чтоб никуда не девался, все скажу, что делать без меня. Чтоб «Чижстали» на гаражи отгрузил не больше пяти тысяч, скажи! А то он раздаст все, а во вторник из района приедут, я у них цистерну выменяю на шлакоблоки, а у меня ее на три вагона цемента поменять просят! Ладно, межгород кусается, ты там не куксись, все нормально, пока!

Я не успела ни слова вставить.

5 октября 1993 года, понедельник

Дом затих только к ночи, когда я удалилась во флигель, где оборудован салон Хозяйки Дары.

Вот уже полгода, как моя приемная имеет очень респектабельный вид. Гриша пристроил специальную комнату к нашему сосновому дому. Я не дала обить ее вагонкой, а попросила обои – и наклеила серебряно-черные, с ракушками, немецкие. Получилось очень солидно. А очередь ко мне – запись до апреля! Сегодня звонил Вовка, одноклассник, просился как-нибудь пораньше поспособствовать, и то пришлось отказать. И хотя мне как никогда хотелось отменить визит, я все же в назначенное время отворила дверь. Коль скоро посетитель ждал возможности прийти сюда несколько месяцев, то я уж как-нибудь отодвину свою собственную головную боль на пару часов.

- Здравствуйте. Меня зовут Регина Михайловна.

У перешагнувшей порог женщины были необыкновенной красоты волосы. Роскошная копна пронизывалась сединой, которую явно никогда не маскировали. И правильно – седина придавала лицу нездешнее благородство.

- Мой сын живет как заключенный, - сказала она. - Он очень одинок, у него нет друзей. И он никуда не ходит. Он только учится. И все.

- Сколько ему лет? - Двадцать два. Последний курс.

- Поставьте на столе фигурку, которая будет символизировать вас, и положите на нее ладонь.

Ее рука гладила черную норку, драпировавшую стол. Недавно я раскошелилась на скатерть из самого благородного меха. После недолгого раздумья посетительница выбрала изящного белого ферзя, водрузив его посередине. Я положила ладонь на ее запястье и сказала:

- Теперь просто смотрите на фигурку.

Не прошло и минуты, как женщина стала меняться в лице. Я спросила:

- Что-то происходит сейчас? Просто сообщите мне.

- Я чувствую страх.

- Посмотрите в него - что это за страх?

- Одиночества? Нет-нет, теперь я осознаю: это страх потерять сына - причем абсолютно животный страх.

- Это страх сегодняшнего дня или нет?

- Нет, это ужас всей моей жизни. Как забеременела, я стала всего бояться – перехода улиц, грозы и молнии, смерти в родах. Когда сын родился, я безмерно боялась, что он умрет. И все думала, как это люди соглашаются быть родителями, это такой ужас, это такой ад. Быть матерью – это жить в страхе!

- Младенец был болен? Были реальные основания для такого страха?

- Ни малейших.

- Кто у вас в семье был одинок?

- Вроде никого. Без семьи никто не жил.

- Или умер в одиночестве?

Женщина подняла голову:

- Мамин отец. Никто не знает, как он умер, и где он умер, и когда он умер. Все, что я знаю о нем – что он в 37-м году выступил на каком-то собрании, после которого пришел домой, не разуваясь, сел у порога и сказал жене: «Соберите вещи. За мной сейчас придут». Через два часа за ним пришли и его забрали. Это было на глазах у детей.

- А что потом случилось с детьми?

- Бабушка очень боялась за старшего ребенка. Когда деда репрессировали, и за ним взяли двоюродных братьев, бабушка старшего сына стала спасать. Отправили в дальнее место, прятали у родственников. Он был очень талантливый, надежда семьи, им вся семья гордилась. А его тянуло на подвиги! В 41-м он пошел на фронт и сразу погиб. И бабушка это горе не перенесла. Она умерла в 46-м году, все надеялась, что с похоронкой ошибка, а как кончилась война, а с ней и надежда, угасла. А остальные... Младший мамин брат всю жизнь страшно пил. А мама вышла замуж за очень тихого человека.

- А отец вашего сына тоже спокойный человек?

- О да! К героям меня не тянуло!

- Регина Михайловна... Механизмы бессознательного иногда очень мудро настроены. Я задам вам вопрос. Как должен вести себя сын, если мать так боится? Сын, который любит свою мать?

- Вы хотите сказать, что он так живет, только чтобы я не боялась?

- Он все время дома, потому что, выйдя за хлебом, он...

- ...может попасть под машину? Это моя тревога сделала его затворником?!

- Давай попробуем что-нибудь сделать. Поставь себя, бабушку, деда, погибшего брата матери и своего сына.

Бабушкой стала черная лошадка, а дедом – черный король, дядей – черный слон и сыном – черная пешка. Слон и пешка стояли за королем, а ферзь – за лошадкой.

- Видно, что мужчины идут за дедом, а ты за бабушкой. Положи руку на короля. Какие чувства возникают?

- Мне кажется, что я все здесь защищаю. Что здесь очень много пространства, здесь что-то очень большое: все здесь принадлежит чему-то большому. И я ощущаю чувство удовлетворения, выполненного долга.

- Теперь положи руку на лошадку.

- Я чувствую ярость, и боль, и злость на этот чертов долг. И отчаяние.

- Держи ладонь на лошадке, склони голову и скажи: «Если такова моя судьба, то я с ней смиряюсь. Если такова ваша судьба, то я склоняюсь перед ней».

- Все во мне сопротивляется этим словам!

- Решай сама. Это твой сын живет как заключенный.

На ее висках вздулись синие змейки, на лбу выступила испарина, из закушенной губы просочилась кровь. Писк запоздалого комара гудел, как колокол.

- Дыши, - сказала я. Она вздохнула. Потом из ее глаз хлынули слезы. Потом они иссякли. А потом она склонила голову и произнесла эти слова.

- Это так?

- Да, это так. Я чувствую это смирение.

Я расставила фигурки по-новому: лошадка и король за спиной офицера, перед ним ферзь, рядом с которым я выставила белого короля – «Это отец вашего сына» - и перед ними пешка.

- Посидите молча, глядя на эти фигурки. Возьмите эту картинку в свое сердце.

Через несколько минут она вздохнула и подняла взгляд. Я сказала:

- Для вашего сына очень важно быть ближе к отцу. А для вас - бывать в церкви, молиться за бабушку.

- Спасибо, Хозяйка Дара. Прощайте.

- Света вам, Регина Михайловна.

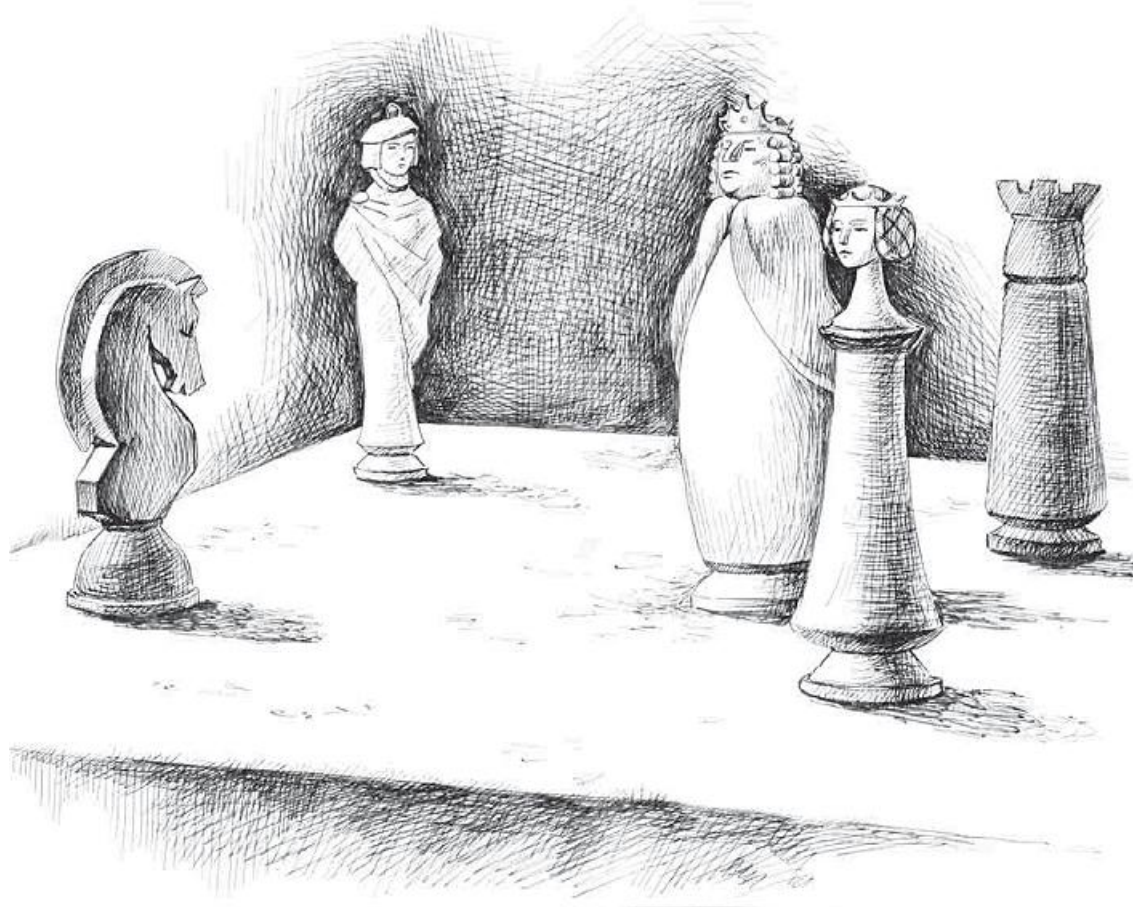
7 октября 1993 года, среда.

- Явился не запылится! – фыркнула Агаша.

- Ты как, Гриша? – спросила я.

- Да нормально все, сказал же, - уткнулся он в мою макушку.
- Ах ты, измодент, так и будешь во все дыры соваться? – кипятилась старушка. – Вон Мария Дэви Христос, еретичка поганая, конец света назначила на 24 ноября, тоже кинешься разводить?
- Агаша, ты меня накорми, напои, в баньке попарь, а потом и пытай, - миролюбиво ответил супруг.
- Нет, ты мне скажи, ты почему только о себе и думаешь? – подбоченилась та. – А если бы детей сиротами оставил?
- Делай, что должен, пусть будет, что будет, - процитировал кого-то из древних мой вояка и удрал в баню.
- А ты чего молчишь, как сирота казанская? – Агафья Даниловна не растратила воинственного духа.
- Если это моя судьба, - тихо сказала я, - то я перед ней склоняюсь...

Глава 10 Новости из прошлого

Глава 10

Новости из прошлого

11 апреля 1994 года, понедельник

- Слышь, Донара, - жарко зашептала запыхавшаяся Агафья Даниловна, - ой, уйдем куданибудь, чтоб потихоньку, не могу, если не сей минут расскажу, тут и погибну!

Заинтригованная, я забросила на плечо посудное полотенце – когда за столом четверо детей и двое взрослых, после обеда всегда есть, чем заняться, - и вышла в прихожую. Агаша нетерпеливо достала из новенькой гобеленовой сумки пакетик, из пакетика пенсионное удостоверение, а из того – свернутую-скрученную газетную вырезку. На квадратике размером в салфетку была маленькая записка об открытии отреставрированного храма в глухой деревне за сто верст от Чижевска, и фотография, на которой виднелась смутно знакомая фигура с кадилом в руках.

- Вот, - гордо сказала она. – Бонифаций.

Я сразу вспомнила своего первого визитера мужского пола. К тому времени я едва освоилась, сменив скрипучий стул школьного психолога на мягкое кресло владелицы модного салона. Здоровенный «новый русский», обложивший меня тогда в три этажа, пришел по поводу клаустрофобии. «Я не Христос, который взял разбойника в Царство Небесное», - сказала я, возвращая разгневанному здоровяку баксы. И рассталась с ним, откровенно объяснив, что не в моих силах помочь человеку, на чьей душе груз из загубленных жизней.

- Да неужто? Вроде похож, – ответила я.

- Да разве ж я бы прибежала, ежели бы не в точности разузнала! Я его видела!

- Сама, что ли?

- Ну! Это же Фрол Семенычева деревня. Там его сестры живут, а у старшей 75 лет было в субботу. Ну ясное дело, Семеныч собрался, и я с ним надумала - не дошел бы там от кумышки-то, догляжу хоть. Не успели за стол сесть, а сестры давай похвалиться, мол, храм-то у нас какой, да пономарь какой, ажно в газетах прописали, ну я наутро хотя полторы версты чапать, а пошла. Да сякоть такая была, ноги в глине чуть не оставила! Дошла, а там гляжу! А пономарь-то Боня!

- Вот это новость. И давно он там?

- Да почитай года два. Кирпича всякого и припасу строительного навез, тихий ходил, слова не скажет, у соседки ихней клопы на ем развелись - чисто курицы, а сам все постом да постом. Чуть заря, шлепал кирпичи класть. Деревня-то вся на две улицы, а у Божьего дома даже маковки вызолочены. Один храм-то на округу, попа прислали старенького, зато пономарь-то видный да непьющий, теперь откудова только девки в церкву не прибегают, а он и не глядит ни на кого. Вот газетку у бабок выпросила, тебе показать.

- Что за подарок ты сделала мне, Агашенька, - я обнаружила на плече полотенце и вытерла слезы, – пути Господни неисповедимы, откуда только ни приходят к Нему, а дорога всем открыта.

- А я там никому ни гугу, про чего знаю, - потупилась старушка. Я обняла ее:

- Агаша, ты просто золото. Просто сыр в шоколаде. Я так тебе благодарна. Это не наш секрет. Я не сомневалась, что ты удержишь язык за зубами, но понимаю – вчера это был просто подвиг. Я тобой горжусь. Это надо отметить! – и отправила Макошу за тортом.

- А Семеныч мне сапоги купил! - похвалилась Агафья Даниловна, дуя на чай в блюдечке. - На МММ заработал! Я, говорит, не халявщик, а партнер, куплю жене сапоги, и купил!

- А чего ж не надела? – поинтересовалась я.

- Ить сякоть же, жалко, красивые больно. Я пока в старых похожу. Да и боязно как-то, что это за деньги такие шалывые, на тыщу рублей сорок тыщ набегло!

- Я понимаю вашу реакцию, как сказал бы наш последний генсек.

- Фрол говорит бумагу подписать, чтоб заложить квартиру и деньги в МММ отдать. Ты у нас ученая женщина, растолкуй, как быть-то.

- Агаша, не вздумай!

- Вот и я говорю. Пуцай лучше сапоги эти обратно продаст.

- Насчет сапог это вы там сами решайте. Но деньгами лучше рисковать в том количестве, которое не больно терять. Ровно столько, сколько не жалко пустить на ветер, и можно вложить в спекуляцию.

- Ну, дочка, рассудила, спасибо тебе, теперича сама найдусь, чего Семенычу ответить! – плеснула старушка сухонькими ручками и начала сворачиваться обратно: газетку в колбаску, колбаску в пакетик, пакетик в сумку... - Слушай, Донара, забыла сказать. Сегодня к тебе не тот клиент придет, что записывался, а другой. Звонила провериться, ан у того, Владимира, он вроде одноклассник твой, помнишь, еще просился

на пораньше на прием - вообще никто телефон не брал: видать, уехал куда, пришлось переназначить другому. Тоже мужского полу оказался...

Переступивший порог мужчина неотразимым шармом смахивал на актера Абдулова. На золотом брелке автомобильного ключа, небрежно зажатого в ладони, сверкнула выложенная камнями мерседесовская звезда.

- Знаете, Хозяйка Дара, я бы не пришел, если б не жена. Она у меня в холдинге главбух. Не то, говорит, плохо, что ты в казино все спускаешь, это всего лишь деньги. Но то, что пьется тебе потом в три запоя... Иди, говорит, к Хозяйке, она Ингу – тетку ее – от переломов вылечила на раз, может, и тебе поможет, не то разведусь. Люблю жену...

Визитер говорил чуть насмешливо, словно демонстрировал снисхождение к наивности доверчивой супружницы. Ингу Филипповну я тоже вспомнила – шестая коммерческая расстановка, множественные несчастные случаи. Что за день, подумала я, второй привет из прошлого.

- Как вас называть?

- Владилен Ильич.

- Как вы полагаете, к чему может привести увлечение азартными играми?

- Да раза три чуть все не спустил. Чуть бы иначе фишка легла...

- Скажите, Владилен Ильич, правильно ли назвать это внутренней нацеленностью все потерять?

Тезка вождя мирового пролетариата перестал играть бровью и задумался. Брелок качался, рассыпая искры. Мужчина поднял глаза:

- Хм, вот это попадание. Никогда не смотрел с такой точки зрения.

- Расскажите о своей семье, пожалуйста.

- Мама – актриса, роскошная женщина – сейчас во втором браке. Когда Евсею – моему старшему брату – года не было, она первого мужа, тряпку, поэта-неудачника – бросила. Сколько ни рыдал, ни до себя, ни до пацана больше не допустила, а потом он куда-то подевался. Ушла к моему отцу – он уже тогда был директором «Чижстали», через пару лет я родился. У нас потрясающе дружная семья, все выходные, все отпуска вместе. Брат холост, я полгода как женился.

Я показала на шахматные фигурки, выстроившиеся на краю покрытого черной норкой стола.

- Выберите из них себя, брата, отца, мать и ее первого мужа. Медленно расставьте их на столе, начиная с себя, подчиняясь только внутреннему чувству вот здесь, - коснулась я третьей пуговицы на его рубашке.

Не торопясь, он выбрал белого офицера – «Это я», – и поставил его у края, лицом в угол. Затем белого короля – «Это папа», - разместив его в центре столика, и угнездил слева от короля тоненького, изящного белого ферзя – «Это мама». С черным конем в руках - «Это Евсей», - он возился несколько минут, пристраивая его то там, то сям, и в конце концов оставив в стороне от белого офицера, лицом к остальным фигуркам. И черную ладью – «Первый муж мамы», - поставил неподалеку, лицом к коню.

- Положите руку на офицера. Молчите. Просто почувствуйте, что происходит с вами, - сказала я и положила ладонь на его запястье.

Спустя какое-то время дыхание его изменилось. Он сидел, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, и на его висках подпрыгивали жилки.

- Что-то происходит? Испытываешь какое-то чувство? – спросила я.

- Да. Совершенно определенно - чувство вины.

- Перед кем эта вина?

- Вы знаете, как ни странно, перед братом.

- В чем ты перед ним виноват?

Он вздернул бровь:

- Да в чем я могу быть перед ним виноват? Мы за все детство ни разу даже не подрались!

- Положи руку на коня. Посиди так немного. Дыши.

Через минуту он тяжело выдохнул:

- Во мне пляшет мысль, что я получил жизнь благодаря его несчастью.

- Что было бы для тебя – потерять в раннем детстве отца?

Владилен замер:

- Жуть какая. Только представил и чуть сам не умер.

- А если твой отец был бы другим? Больным, бедным?

- Да какая разница! – с силой сказал он. – Отец же!

- Потеря отца – страшное несчастье для ребенка. Любого отца для любого ребенка.

Он уронил коняшку:

- Никогда не думал о мамином поэте как отце Евсея.

- Подумай сейчас. Положи руку на ладью. Посиди так.

Спустя несколько минут он сказал:

- Я ощущаю страшную боль. Боль, тяжесть и скорбь.
- С этим живет отец твоего брата.
- Выходит, я всю жизнь как сыр в масле... в театры, на байдарках, по гаграм... все за их счет...
- В какой-то степени это так.

Мы помолчали.

- Неудивительно, что ты не позволяешь себе жить счастливо и полно, - сказала я.

- Но это же не моя вина, - тихо сказал он. – Я имею право жить счастливо!

- И это тоже справедливо, - согласилась я. – Положи руку на офицера и медленно, со смирением скажи брату и его отцу: «Я получил что-то за ваш счет».

Он сказал.

- Скажи матери и отцу: «Вашу вину я оставляю вам. Я только ребенок».

Это ему далось тяжелее всего. На последней фразе из его глаз покатались слезы.

Я выстроила фигурки в правильном порядке. Конь встал перед ладьей, а офицер – перед королем и ферзем, спиной к ним. Все вместе они образовали дугу.

- Скажи каждому: «Благословите меня на счастье».

Он повторил.

- Посиди немного, глядя на них. Побудь с этим. И какое-то время никому не рассказывай о сегодняшнем дне. Дай этому подействовать.

Минуты через три он поднял глаза:

- Я кое-что мог бы сделать для Евсея. У меня свояк держит детективное агентство. Пусть найдет поэта.

Если он жив, я им встречу устрою.

Я даже растерялась. После паузы от всего сердца сказала ему:

- Чудесное решение. Света тебе, Владилен.

- Спасибо, Хозяйка Дара. Прощайте.

Лада и Ника запрыгали вокруг меня, подняв перемазанные мордашки:

- А собака Люся тоже тойтики любит!

Марианна подняла глаза от книжки:

- Мам, я вам с папой спасла два кусочка. А то они бы все Люшке скормили.

Тошка просунулся в дверь, выставив руку с конвертом:

- Тебе опять письмо с четырьмя марками! Небось, снова вызов к Хеллингеру на учебу?

- Так, таракашки, на горшок и спать! – скомандовала я младшим. - Времени полдвенадцатого, что за оживление в массах?

Малявки, не сговариваясь, рухнули на четвереньки:

- Мы таякашки, мы таякашки!

Люшка заплясала вокруг них, взлаивая от восторга.

- Сумасшедший дом, - констатировал вошедший супруг. – А вы, поросята, почему не в постели?

- У поросят знаете, кто родители? – в один голос спросили Тоша и Макоша.

Григорий замер с портфелем в руках.

- Это намек?

- Ага, - объявили довольные четвероклассники. – Мы яблоки от яблони!

- Выигрыш нокаутом, - со вздохом констатировал муж.

Наутро я не выдержала и, подкинув малышек свекрови, отправилась по знакомому адресу. Почему Володя не пришел – ведь он даже просил принять его пораньше? Может, болен или телефон отключил? Дом вспомнила уверенно, а квартиру, решила я, небось, найду – на месте ноги вспомнят.

У Вовкиного подъезда толпились люди. Ноги повели меня вверх – на третьем этаже была открыта дверь, и я с ужасом обнаружила, что из нее выносят венки. Я спустилась обратно. Кто-то уже установил у подъезда табуретки, вынесли гроб, поставили на них. Володя лежал неузнаваемый, с одутловатым лицом. Убитые горем родители не отводили от него глаз.

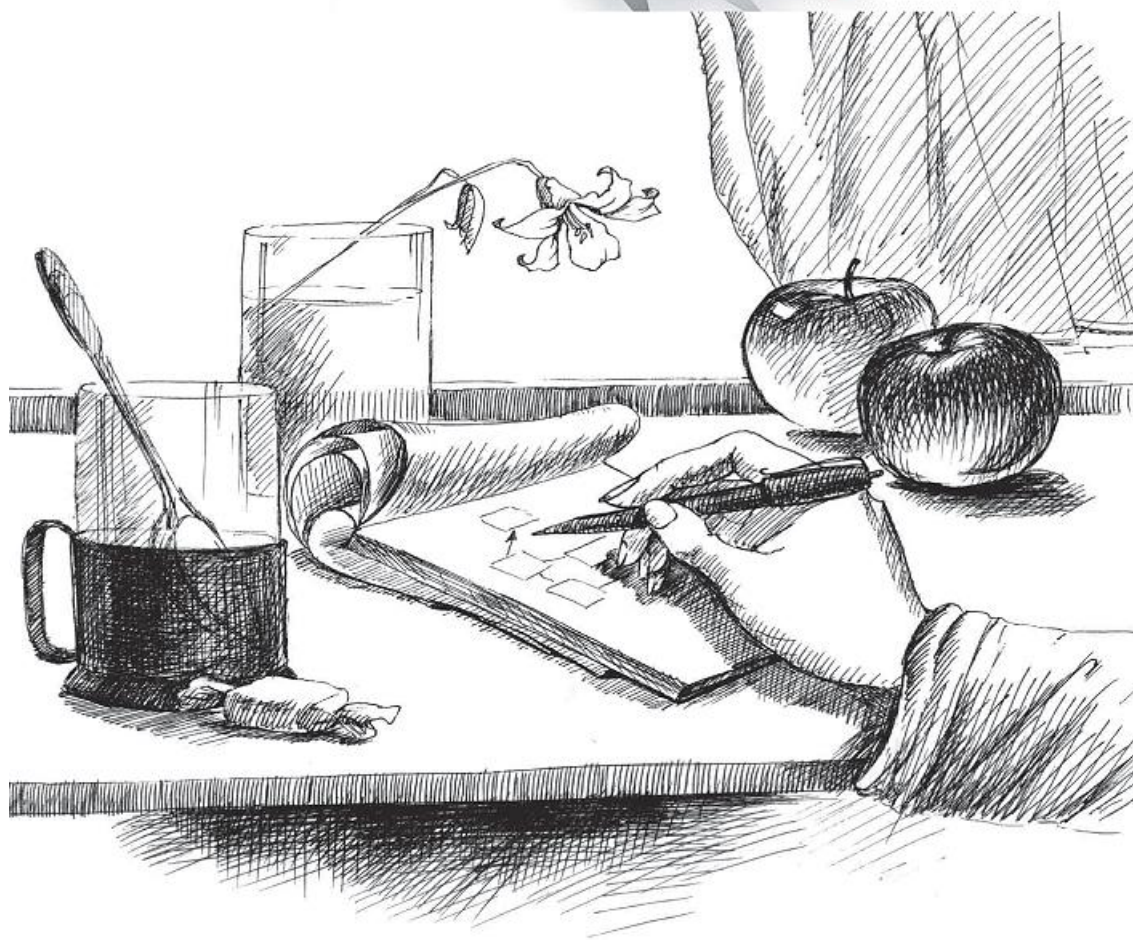
«Грех-то какой», - шептались позади, - «батюшка отпевать отказался, некрещеный да самоубийца, как теперь родителям на свете жить!»

- Дунька, ты ли это? – услышала я слева. В дородной даме в черном я с трудом узнала нашу одноклассницу Варвару. Они с Владимиром женаты, что ли, были? – Да уж, стыд глаза не выест, явилась! Сколько он вашему величеству в приемную звонил, просился без очереди, может, и жив бы остался, кабы не ты, гадина!

Ее трясло от нескрываемого желания вцепиться мне в волосы.

Я молча поклонилась и отступила в сторону. Сказать мне было нечего. Я была раздавлена.

Глава 11
Нет роста
без кризисов!

Глава 11
Нет роста без кризисов!

15 июля 1995 года, суббота

- Донара, ты где?
- Где, где. В Ныргинде, - грубо ответила я из кухни.
- Знаешь, дорогая моя, так дальше не пойдет, - твердо сказал муж. - Идем-ка!

Нога за ногу я побрела за ним в сад. Деревья, недавно посаженные, выглядели чуть лучше, чем прутья от метлы, но тени почти не давали. Солнце прилипло к зениту. Зной выдавливал отвратительные капли из потовых желез.

- Ты бросаешься на меня по поводу и без повода. Но даже если повод есть, поведение твое непростительно. Я не позволю с собой так обращаться.

Тоска моя перешла мыслимые пределы.

- Не спорю, - сказала я. – Только я ничего не могу с собой поделать. Все меня раздражает.

- Если это твоя проблема, то с проблемой и работай. Почему она отравляет жизнь мне? Ты психотерапевт или кто? Врач, исцелился сам!

- Согласно, - задумалась я. – Сейчас же позвоню Боре в Москву и запишусь на психотерапию. Так скоро, как он сможет меня принять. – Боря был гештальт-психотерапевт, классный специалист. В психологии очень легко быть шарлатаном – существует множество эффектных методик. А эффективных – мало. Так что я, конечно, отправилась звонить проверенному кадру.

23 июля 1995 года, воскресенье

Расплавленная Москва оказалась напуганной до предела. Месяц назад, требуя прекращения войны в Чечне, Басаев захватил в Буденновске больницу, больше тысячи заложников. Это вам не стычки где-то там в автономиях: вооруженный отряд прошел пол-России, через 52 поста ГАИ. Хотя, уверяют, взятки они давали фальшивыми долларами, ни один гаишник не пожаловался. Федералы, пытаясь освободить пленников, убили 15 боевиков, заплатив за каждого жизнью десятка заложников. Басаевцы ушли, прикрываясь полутора сотнями заложников. Никто не знал, куда боевики двинутся дальше.

Смуглая кожа, карие очи, черные кудри - неудивительно, что меня за вчерашний день трижды останавливали, проверяя документы, регистрацию, билеты на поезд. В столице появился новый термин: «лицо кавказской национальности». В конце концов, я сочла за лучшее окопаться в гостинице, передвигаясь только на такси. Наутро я наконец добралась до Бориса. И через час, став беднее на триста долларов, вышла от него совершенно ошеломленная.

- Я чувствую страшное раздражение в отношении супруга, - начала я.

- И на что направлено это раздражение?

- Просто на него.

- Для этого есть объективные причины? Каковы факты?

- Он много зарабатывает, я почти не работаю – дети, дом... Деньги есть, он о нас заботится, но у меня все время такое чувство, что он заел мою жизнь, - сказала я.

- Твоя жизнь «заедена»?

- Да! Помощницы по хозяйству теперь нет – она уехала к сыну во Владивосток. Я не живу, я только готовлю обеды, стираю колготки, разве что раз в неделю отдушина - несколько часов работаю. Отвоевала себе такое право в тяжелых боях. И очередь ко мне на полгода.

Больше всего меня поразило тот факт, что я сама не задала себе этих вопросов. А значит, и не получила ответов. Хотя только Мюнхгаузен сам себя из болота за волосы вытаскивал, в психотерапии всегда эффективнее сторонний взгляд. Коль скоро это закон для всех, с чего бы для меня появилось исключение?

- Ты работаешь мало – почему?

- И столько-то насилу у мужа отбила. Мол, денег хватает, детей четверо – ими и займись. А ко мне очередь жуткая! У меня месяц назад клиент не пришел, оказалось, повесился. Полгода ждал! Одноклассник мой оказался! И, может быть, работай я, был бы жив...

Я заплакала в голос. Вина выедала у меня глазницы. Слезы смывали боль.

- Значит, такой была его судьба. Ты мнишь себя выше судьбы? – он протянул мне платок и стакан воды.

- Если его судьба такова, значит, моя судьба – сознать, что я имею к его смерти отношение...

- Так что, ты бы хотела работать больше?

- Знаешь, Боря, теперь я осознаю, что даже если я буду принимать в десять раз больше, очередь не уменьшится! У меня впечатление, что я вычерпываю море чайной ложкой!

- Чего же ты хочешь?

Я зависла с ответом, как Microsoft Windows. После долгого размышления сказала:

- Я хочу, чтобы расстановки по Хеллингеру были доступны, как пломбирование зубов. Осточертело быть экзотическим цветком, орхидеей в свекле. Сколько людей ко мне не попадает! Все равно как я одна-единственная имела бы мешок пенициллина, но выдавала его раз в неделю по чайной ложке тем, кто подороже заплатит. А остальные пусть мрут, решим квартирный вопрос методом снижения рождаемости!

- Я тебя правильно понял? Ты хочешь, чтобы системная психотерапия была доступна всем твоим землякам?

- Хотя бы каждому пятому. Не все же понимают, что можно быть счастливыми. Да не все и ищут счастья!
- И сколько вас там?
- В городе шестьсот тысяч.
- Значит, если раз в году один из пяти придет, то понадобится сто двадцать тысяч часов. По пять часов в день, двадцать дней в месяц, двенадцать месяцев – тысячу двести человек за год можешь принять ты сама...
- ...значит, если таких, как я, будет сто человек...
- Осталось где-то взять сто грамотных системных психотерапевтов!
- Сто психотерапевтов – это пять-десять учебных групп... Мне на учебах не раз говорили, что давно пора идти дальше – только я не понимала, куда...
- Теперь понимаешь?
- Теперь понимаю.
- А ты осознаешь, что задумала изменить жизнь целого города?
- Мой город держит печальный рекорд страны – по суицидам. А самоубийства, как правило, происходят по системным причинам! И поддаются корректировке системными расстановками.
- Ты так полагаешь?
- Когда совершено кем-то убийство, то оба эти человека становятся очень связаны – жертва с убийцей. И оба начинают относиться к семейной системе. Но в семье не любят смотреть на убийц и жертв – это неприятно. Убийца, как правило, вытесняется. На него не смотрят, о нем не говорят. Вместе с ним вытесняется и жертва. И тогда кто-то в семье, кто приходит позже, замещает этих людей, причем обоих сразу. Отсюда психоз, и чаще всего он завершается самоубийством. То есть этот человек становится и жертвой, и преступником одновременно. А в нашем регионе очень много самоубийств, значит, было много убийств, особенно детей в семьях, грудных детей : в нищих семьях младенцев выносили на холод, либо кормили чем-то холодным. Это убийства. И за них платят младшие: в третьем-пятом поколении кто-то совершает самоубийство...
- Я слышал, Чижевск находится в регионе с сильными языческими традициями?
- Семьдесят лет атеизма, ну и где в этой стране может быть не безбожное место, если аборт был национальной политикой? Количество разводов достигло трех четвертей от количества браков. А разводы тоже, практически всегда, обусловлены системами! Нет мамы – нет мужа, надо выстроить отношения с матерью, и все будет в порядке с мужчинами. А алкоголизм! Все так просто – если мать не уважает мужа, сын будет пить. Изменяется мать, выкарабкивается сын. Системная психотерапия – могучий инструмент. А неврозы и психозы, а астмы и энурезы, бесплодие и шизофрения! А хронические неудачники, а жертвы множественных несчастных случаев, а те, от кого бегают деньги! Если есть желание у клиента – достаточное, чтобы прийти на терапию – все это можно скорректировать! Пусть не всегда, пусть в части случаев, но в немалой части - системная психотерапия делает это возможным!
- А злишься ты на мужа.
- Мой Гриша. Он-то хотел как лучше. У всех «деловых» жены курсируют по кругу: косметолог-бутик-бассейн. Чего, говорит, тебе приемы вести, деньги же есть, вот дом даже новый строить затеял, замок из красного кирпича... А я погибаю без своего дела. И если бы я это осознала раньше, объяснила бы все как есть, уж, наверное, он бы примирился с моей бешеной жадой работы. К тому же теперь я могу работать за символические три копейки. А я только злилась и злилась... Стыдно-то как...
- И ты полагаешь, что для тебя изменить жизнь целого города - реальная перспектива?
- Для одной меня - нет. Но я могу обучить других. А чтобы пройти дорогу, надо хотя бы начать идти!

1 сентября 1995 года, пятница

Вошла к Боре я с депрессией, а вышла с целью. К Чижевску у меня уже был исписан купленный на вокзале блокнот. Где разузнать о лицензии на преподавательскую деятельность, как набрать студентов. Как рассказать о моих планах супругу, чтобы добиться его поддержки... Где найти помещение, как составить программу обучения...

И вот я, волнуясь и радуясь, открываю дверь в аудиторию, где меня ждет моя первая учебная группа. Но это уже совсем другая история...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

**Когда газета «Центр» начала публикацию
этого необычного произведения,
в редакцию стали звонить читатели
с огромным количеством вопросов.**

Юлиана Димитрошкина ответила на некоторые из них.

- Скажите, пожалуйста, под тем, что вы пишете, есть реальная подоплека?

- Да. Изрядной части расстановок, описанных в «Хозяйке Даре», я была свидетельницей. Другие взяты из терапевтических случаев самого Берта Хеллингера. О некоторых мне рассказывала Дана Дементьева – конечно, в соответствии с этическими нормами, без имен и иных идентификационных признаков.

- И что, все так и происходит? С пеньками, шахматами, тапками?

- Ну что вы. Это ведь художественное произведение, и психотерапия облечена в художественную форму. Хотя расстановки на фигурках или тапочках действительно бывают.

- И в какой форме они наиболее эффективны?

- В группе. Когда роль шахматных фигурок выполняют люди. Люди, которые в течение расстановки что-то делают для вас, и которым вы чуть позже ответите тем же. А главное, они могут сообщить о своих чувствах.

- Неужели это все – правда?

- А во что вам труднее всего было поверить?

- В то, что усыновление не должно быть тайным.

- В тайне грозная опасность, как для родителей, так и для детей. Часто достаточно просто сказать правду – и относиться с уважением к давшим жизнь ребенку людям. Ведь они дали жизнь – ребенку, и ребенка – усыновителям. Иначе, чаще всего с подросткового возраста, чудесные добрые дети превращаются в исчадия ада. А родители платят за усыновление потерей партнера, или своего ребенка, и уж конечно – счастья. А ведь все было ради счастья.... А вообще, я думаю, было бы более эффективно, если бы о психотерапии вы расспросили психотерапевта.

- Мы обязательно запланируем прямую линию с Даной Дементьевой для читателей газеты «Центр». Но почему вы оставили Хозяйку Дару в 1995-м году?

- Больничный кончился, отпуск прошел... А моя основная работа почти не оставляет мне свободного времени... И потом, своих целей: пробуждения читательского интереса и веры в то, что жизнь можно изменить к лучшему, я уже, как мне кажется, добилась. А это главное!

- Вами двигало желание разбудить любопытство?

- Мной двигало страстное, нестерпимое желание рассказать читателям о том, что я видела, что я пережила на системных расстановках. Поделиться знанием о том, как много можно в своей жизни изменить – если знать, что именно поддается изменению. Я много раз уговаривала знакомых журналистов прийти, посмотреть и написать – и все как-то не складывалось. И однажды, когда за окном шел дождик, а я оказалась на месяц на больничном, я села к компьютеру... И потом принесла в газету первые главы...

- Кстати, легко ли вам писалось?

- Писателю нужен железный зад! Порой висела над абзацем часами. Но иногда... и даже часто... мне казалось, что это не я пишу, а мной пишут. И я – всего лишь инструмент кого-то Высшего...

**Автор благодарит за консультации
психотерапевта**

Дементьеву Дану Михайловну

**На фото: Берт Хеллингер и Дана Дементьева,
2001 г**

Интервью-послесловие, 2012 год.

- Юлиана - это ведь псевдоним? А как вас зовут на самом деле? И пробовали ли вы сами проходить расстановки?

- Не только проходить, но и проводить – я много лет этому училась. В 2003-м году я была очень известной в городе личностью – и знали меня как Лиану Унру.

Я была политиком, депутатом, бизнес-леди, редактором газеты; Унру – это был раскрученный бренд. А то, что у мужа фамилия Димитрошкин, мало кто знал. И книгу я, Лиана Унру, выпустила под псевдонимом Юлиана Димитрошкина, для того, чтобы ее читали ради смысла. Книга-то непростая. Чтобы воспринимали не в ключе «Ух ты, что, интересно, Унру еще написала?», а свежим взглядом, входили внутрь, а не скользили по поверхности.

Расчет оправдался.

Я тогда училась у Даны Дементьевой, и была настолько поражена и вдохновлена тем знанием, которое я получала при обучении психотерапии, системным семейным расстановкам, что готова была кричать на площадях: Люди! Да ведь оно вот как все устроено! Да ведь законы и вправду есть! Да ведь можно разобраться, как все устроено, и тогда получится жить счастливо!

Моей «площадью» стала ижевская газета «Центр», где «Хозяйка» публиковалась в течение трех месяцев. Звонки вроде «Я был в командировке, не успел купить в киоске, у вас в редакции найдется прошлый выпуск?» - быстро перестали удивлять газетчиков.

- А какие плоды принесла лично вам эта разновидность психотерапии?

- Я бы дополнила вопрос: и во что это вылилось для окружающих? На самом деле (и уже давно)) меня зовут **Лиана Димитрошкина**, я молодая женщина слегка за 50 (с).

И много лет моя главная идея такова - я нашла путь к семейному, к женскому счастью для себя, а значит, я могу показать дорогу и другим.

Если вы способны принять мысль, что все проблемы начинаются в головах, и готовы развиваться и работать над собой, чтобы улучшить свою семейную, личную жизнь, обрести женское счастье - нам по пути. Повторюсь, работать над собой, а не над мужем! Менять себя, а не кавалеров!

У меня самая обычная история. Мои родители расстались, когда мне не было и года. В мои 7 лет мама снова вышла замуж, родились 2 сестренки, в день серебряной свадьбы отчим от мамы ушел к другой женщине. Мой отец был женат пять раз, старший брат по отцу трижды, средний четырежды, моя средняя сестренка замужем в третий раз, младшая во второй.

Как вы думаете, у меня много было шансов на счастливую семейную жизнь?

И вот я - политик, газетчик, успешная предпринимательница, умница и красавица, лебедь белая, мама прекрасная, хозяйка отличная, - умываюсь слезами после второго развода. Да почему же так-то? Ведь я всего достигла, у меня и квартиры, и машины, и проекты, и победы - а счастья нет! Два мужа - и оба козлы какие-то!!

Два дня я прорыдала, а на третий до меня дошло.

**Если два мужика - козлы, то, может, и я не белая лебедь?
Может, со мной что-то не так?**

Это было ровно 20 лет назад. И я подошла к вопросу с той же дотошностью, что и к созданию и развитию бизнеса. Изучила литературу - прочла сотни книг, прослушала тысячи часов лекций - ведических и православных, психологических и эзотерических. Нашла образцы - специально знакомилась и

присматривалась к десяткам семей, которые выглядели хоть как-то, хоть более-менее благополучными, пытаюсь понять - чем же я отличаюсь от счастливых жён? Я 6 лет изучала психологию - гештальт и системную семейную терапию, НЛП и нарративные техники. Я сделала поиск дороги к счастью центром своей жизни.

И я нашла эту дорогу.

Вот уже 15 лет мы живем с третьим мужем, и с каждым годом наши отношения становятся все глубже, полнее и счастливее.

Лет 5 назад, под ником **Графиня Кисточка**, я начала делиться знаниями на одном из форумов в интернете. Постепенно там образовался целый подфорум - а спустя год благодарный супруг одной из моих учениц спросил: может, я что-нибудь могу для вас сделать? Хотите, сайт вам открою?

Так появился **проект school4woman.ru - бесплатная Школа Женского счастья**.

Сейчас ШЖС - это электронная газета, сотни учениц, тысячи отчетов и множество счастливых женщин.

Возвращаются в семьи, бросают алкоголь и наркотики мужа, рождаются малыши, звучит марш Мендельсона... Обо всех чудесных изменениях можно прочесть в Итоговых отчетах за каждый класс - они полностью открыты для просмотра.

Я оставила все свои политические посты и толстые портфели, и внешняя деятельность отнимает лишь несколько часов в день. Сейчас я пишу книги и картины дома, веду вебинары и тренинги в интернете. Моя семья для меня - самое главное.

Положительная динамика возможна из любой ситуации, и теперь я это знаю точно.

И, на основе огромного багажа знаний и практического опыта как психотерапевта, создала отлаженный механизм по ее достижению.

И если нам по пути - добро пожаловать в Школу Женского Счастья school4woman.ru. Хотя бы просто загляните в итоговые отчеты — это очень вдохновляет. Если эти сотни девушек и женщин настолько изменили к лучшему свою жизнь — значит, сможете и вы!

Я желаю вам счастья и любви!